

БАРОН НА КРАЮ

ИМПЕРИИ

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ВЛАДЕНИЕМ

СТАТУС ВЛАДЕНИЯ: **КРИТИЧЕСКИЙ**

	КАЗНА	0
	НАСЕЛЕНИЕ	897
	ЛОЯЛЬНОСТЬ	23%
	ПРОДОВОЛЬСТВИЕ	12 ДНЕЙ
	БЕЗОПАСНОСТЬ	НИЗКАЯ
	ДОЛГИ	12 340
	РЕПУТАЦИЯ	УЖАСНАЯ

АКТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- ! РАЗВАЛИВАЮЩИЙСЯ ЗАМОК
- ! ДОЛГИ РАСТУТ
- ! РИСК ВОССТАНИЯ КРЕСТЬЯН
- ! СОСЕДИ ГОТОВЯТ ПРЕТЕНЗИИ
- ! ЧЕРЕЗ 30 ДНЕЙ: ИМПЕРСКИЙ РЕВИЗОР

РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1. УПОРЯДОЧИТЬ ФИНАНСЫ
2. УСИЛИТЬ ОБОРОНУ
3. НАЛАДИТЬ ПРОИЗВОДСТВО
4. ЗАРУЧИТЬСЯ ПОДДЕРЖКОЙ
5. ВЫЖИТЬ

ВОССТАТЬ С НУЛЯ. УДЕРЖАТЬ ВСЁ.

ИМПАТОР ФЕДРАС

Арион

**Барон на краю Империи:
Восстать с нуля**

«Автор»

2026

Арион

Барон на краю Империи: Восстать с нуля / Арион — «Автор»,
2026

После нелепой смерти Артём приходит в себя в теле молодого барона. Наследство впечатляет: пустая казна, разваливающийся замок, три полумёртвые деревни, огромные долги и управляющий, который каждое утро сообщает о новой катастрофе. Через месяц прибывает имперский ревизор. Соседи уже делят его земли. Крестьяне готовы взбунтоваться. А древняя Система управления владением вместо читерских бонусов лишь честно показывает, насколько всё плохо, и предлагает разбираться самому. Теперь Артёму предстоит не спасать мир, а восстановить забытое баронство, собрать армию с нуля, пережить интриги аристократов и выяснить, почему именно эти всеми забытые земли когда-то были ключом к безопасности всей Империи. Главное — пережить сегодняшний день. Потому что завтра наверняка станет ещё хуже.

© Арион, 2026

© Автор, 2026

Арион

Барон на краю Империи: Восстать с нуля

Глава 1. Умереть оказалось проще

В тот вторник я умер из-за четырёх плохо затянутых болтов.

По крайней мере, такой вывод напрашивался из последних доступных мне данных.

Ветер гнал по двору логистического центра мокрый снег, хотя до календарной зимы оставалось ещё две недели. Фуры стояли в очередь у ворот. Водители звонили диспетчерам, диспетчеры — мне, а я уже двадцать минут объяснял начальнику смены, почему нельзя поставить под разгрузку машину без исправных тормозов, даже если клиент очень просит и обещает написать благодарность.

— Артём Сергеевич, мы выбиваемся из окна, — повторил он.

— Если она въедет в склад, мы выбьемся ещё и из стены.

— Водитель говорит, что держит ручник.

— Водитель стоит на уклоне и придерживает машину педалью. Это не ручник. Это человек, который боится убрать ногу.

Начальник смены посмотрел в сторону ворот. Водитель помахал нам из кабины с выражением человека, которого только что обсуждали и явно недооценили.

Я достал телефон, чтобы переназначить окно. В этот момент над двором что-то протяжно скрипнуло.

Звук был неправильный.

На складах быстро учишься отличать обычный шум от того, после которого приходится заполнять объяснительную. Металл не должен стонать на ветру. Он может звенеть, вибрировать, греметь незакреплённым листом. Но тот звук пришёл сверху и закончился коротким сухим щелчком.

Я поднял голову.

На крыше соседнего торгового корпуса висел огромный рекламный щит. Красивые люди на нём обещали кому-то новую жизнь в новом жилом комплексе. Левый край конструкции уже отошёл от крепления и медленно наклонился над проходом между зданиями.

Внизу стоял парень в красной куртке курьера. Смотрел в телефон. Наушники в ушах.

— Эй! — крикнул я, срываясь с места в его сторону.

Он не услышал.

Дальше всё произошло быстро и одновременно очень медленно. Второе крепление вырывало из стены. Щит качнулся. Начальник смены рядом со мной выругался. Курьер наконец поднял глаза, но не из-за крика, а из-за тени, что накрыла асфальт.

Я успел добежать.

Успел толкнуть его в плечо.

Успел увидеть, как он упал и прокатился по мокрому асфальту.

А потом в мире стало слишком много металла.

Боли почти не было, либо она была, но так недолго, что угасающий разум не успел её считать. Сначала удар, от которого разом исчезли воздух, звук и расстояние, а после сознание начало меня покидать.

Последняя мысль, которая успела меня посетить, была сама по себе глупой. Она была не о сожалении по прожитой жизни и не о страхе за неизвестное будущее. Мысль была о том, что машину с неисправными тормозами всё-таки нельзя ставить под разгрузку.

Потом не стало и этой мысли.

* * *

Сознание возвращалось вместе с болью.

Она приходила постепенно, словно кто-то отмечал повреждения одно за другим. Сначала затылок. Потом левое плечо. Следом рёбра, из-за которых каждый вдох отдавался острой болью. На груди будто лежал камень.

Я с трудом открыл глаза.

Надо мной темнел каменный свод.

Не больничный потолок. Не бетон склада. Тёмные блоки, плотно подогнанные друг к другу. В узких щелях между ними мерцали тонкие голубые линии.

Я моргнул, но свечение не исчезло.

— Прекрасно, — попытался сказать я, но вместо голоса вырвался сиплый выдох.

Я лежал на круглом каменном возвышении.

Оно находилось посреди просторного зала. Каменные колонны кольцом окружали площадку и терялись где-то под высоким сводом. Между плитами пола тянулись узкие канавки, заполненные холодным голубым свечением. Такой же свет мерцал в трещинах стен.

У подножия возвышения валялся разбитый фонарь.

Возле него неподвижно лежал человек.

Нет.

Не человек.

Пустой плащ, распластанный по камню так, будто тот, кто был внутри, успел исчезнуть, не забрав одежду. Я попытался повернуть голову и едва не потерял сознание.

Перед глазами вспыхнуло окно.

Не метафорически. В воздухе появился прямоугольник из голубоватого света. Буквы были незнакомыми, но я почему-то прочитал их без усилия.

[Аварийный протокол наследования] Преступный владелец: жизненные показатели отсутствуют. Родовой носитель: повреждён, жизнеспособен. Сознание нового оператора: несовместимость не обнаружена. Первичная привязка: 61 процент. Критическое состояние носителя. До остановки сердца: менее 6 минут. Доступно: аварийная стабилизация. Стоимость: 5 единиц резерва контура. Текущий резерв: 9 из 100.

Я перечитал последние строки дважды, пока текст не закрепился в голове, а смысл не дошел до сознания.

До остановки сердца менее шести минут.

На осмысление окружающих каменных подземелий, чужого алфавита и слова «наследование» времени явно не выделили.

— Стабилизация, — прохрипел я, но окно осталось равнодушным к моей попытке спасти свою жизнь.

— Согласен. — Я попробовал сформулировать приказ мысленно и это сработало.

Голубые линии вокруг вспыхнули разом ярко-синим светом и меня пронзила ужасная боль.

Она прошла грудь, спину и затылок, свела мышцы, выдернула из лёгких остатки воздуха. Я хотел закричать, но тело только выгнулось на камне, открыв рот в немом крике. Внутри что-то горячее медленно потянулось вдоль рёбер, словно невидимые пальцы собирали меня по частям и не особенно заботились об удобстве пациента.

Потом боль пропала, но не сразу, нет. Она затихала, оставляя насладиться послевкусием спасительной операции. Мне стало лучше, чем после пробуждения, но было ли мне хорошо?

Нет, хорошо не было. Просто вместо потенциальной смерти осталось очень плохое самочувствие. Вполне неплохой размен.

Грудь всё ещё болела, но острые края внутри больше не двигались при каждом вдохе.

[Стабилизация завершена] Внутреннее кровоотечение: остановлено. Повреждение черепа: стабилизировано. Переломы: 2, временно зафиксированы. Ушибы и разрывы мягких тканей: множественные. Истощение носителя: критическое. Рекомендация: помощь лекаря. Резерв контура: 4 из 100.

— Полезный совет, но почему лекаря, а не врача или доктора? — выдохнул я, но ответа не последовало.

Я приподнял тело, чтобы присесть из лежачего положения, но краем сознания отметил руки. Поднял их перед глазами и замер.

Пальцы были длиннее моих. Ладонь уже, кожа бледная, почти прозрачная в голубом свете. На среднем пальце темнел перстень с гербом, на котором изображена башня над тремя расходящимися линиями.

Моя рука никогда не выглядела так.

Я быстро прикоснулся руками к лицу, ощупывая его. Острый подбородок. Незнакомая линия носа. Волосы длиннее, чем я носил всю жизнь. Тело было молодым, но истощённым. Об этом свидетельствовали выступающие рёбра под рубашкой, а также мышцы рук, которые подрагивали даже после простого движения.

Вместе с прикосновением пришли отрывки чужих воспоминаний.

Тяжёлые шторы. Горький лекарственный отвар. Седой мужчина в тёмной одежде говорит, что вставать ещё рано. Другой человек, сухой и прямой, кладёт на край постели бумаги и произносит: «Милорд, решение больше нельзя откладывать».

Имя второго всплыло само – Грегор.

Следом пришло другое.

Адриан Вельгор. Молодой барон. Последний мужчина рода. Владелец замка над этим подземельем.

Я закрыл глаза и медленно выдохнул.

На мокром асфальте под рекламным щитом остался Артём, двадцати восьми лет, руководитель отдела логистики, человек с незакрытым окном разгрузки и привычкой проверять крепления раньше, чем верить отчётам.

Здесь лежал Адриан Вельгор.

И, судя по окну перед глазами, лежать ему оставалось недолго, если я не найду врача.

Паника подкралась с запозданием. Не в виде крика и не желанием начать метаться — телу на это всё равно не хватило бы сил. Просто холодное понимание, что прежней жизни больше нет. Ни телефона, ни знакомого языка вокруг, ни возможности открыть глаза ещё раз и обнаружить потолок реанимации.

Я умер.

Это тело тоже умерло или же почти умерло.

А потом кто-то или что-то соединил два неудачно завершившихся события и назвал результат наследованием.

Я позволил себе несколько секунд смотреть в темноту.

Если происходящее было предсмертным бредом, вести себя следовало разумно хотя бы из профессиональной гордости. Если не было, то тем более.

— Система, — сказал я полушёпотом. — Покажи, где я.

Воздух дрогнул. Перед глазами появилась схема помещения. Центральная площадка, три тёмных коридора, лестница в двадцати семи шагах. Большая часть карты была перечёркнута серыми полосами.

[Система управления владением «Градостроитель»] Контур: Вельгор. Главный узел: аварийный режим. Доступная область: 0,3 процента. Активные внешние узлы: 0 из 11. Основной источник питания: отсутствует. Аварийный источник: родовой канал владельца. Про-

должительность аварийного питания: 43 года 8 месяцев. Предупреждение: родовой канал истощён. Причина повреждения контура: данные недоступны.

Сорок три года.

Я смотрел на строку, пока цифры не перестали двоиться.

Это не было следствием сегодняшней аварии. Что-то под замком больше сорока лет питалось владельцами этих земель. Дедом Адриана. Его отцом. Теперь им самим.

И все трое, насколько подсказывали обрывки памяти, болели.

Я попытался открыть подробности, но получил только серую надпись: «Требуется первичный ключ владения».

На камне возле разбитого фонаря что-то блеснуло. Я осторожно спустил ноги с возвышения и почти сразу понял, что Система не преувеличивала насчёт истощения. Пол качнулся. Руки пришлось упереть в камень.

Блестела небольшая пластина, отколотая от чего-то большего. Чёрный камень, ровный по краям, с частью серебряной линии. Перстень нагрелся, когда я коснулся его.

[Фрагмент первичного ключа] Целостность: 37 процентов. Доступ: ограниченный. Восстановление: требуется второй фрагмент. Последнее использование: 2 часа 14 минут назад. Пользователи: 2. Данные второго пользователя повреждены.

Два пользователя.

Адриан пришёл сюда не один.

Я посмотрел на пустой плащ у подножия площадки. Ткань была мокрой у воротника, но крови не было. Из кармана торчал обрывок кожаного шнура, перерезанного чем-то острым.

Где находился второй человек, Система не знала. Или не могла сказать.

Сверху донёсся глухой удар.

Потом ещё один.

Кто-то бил в дверь за пределами зала.

— Милорд! — голос пришёл издалека, и чужая память снова подсказала имя раньше, чем разум успел удивиться.

Грегор.

Я спрятал каменную пластину за пазуху и поднял разбитый фонарь. Огонь внутри давно погас, зато на карте перед глазами загорелась тонкая линия к лестнице.

Система не могла объяснить, кто привёл Адриана к древнему узлу и почему его род сорок три года расплачивался за чужую поломку.

Но выход она показать могла.

Для начала этого было достаточно.

* * *

До лестницы было двадцать семь шагов.

Система ошиблась на три.

Два шага пришлось сделать в сторону, обходя провал в полу, а ещё один я потратил, когда стена внезапно решила приблизиться и мне пришлось ухватиться за колонну. В остальном маршрут оказался точным. Голубая линия ложилась поверх камня, подсвечивала безопасные плиты и гасла за спиной.

Наверх вела узкая лестница. Несколько ступеней были обломаны, по одной текла вода. Дождь шумел где-то над замком, и каждый порыв ветра заставлял старую кладку тихо осыпаться.

Я поднялся примерно до середины, когда дверь наверху распахнулась.

Свет фонаря ударил в глаза.

— Милорд!

Грегор оказался именно таким, каким его сохранила чужая память: лет пятидесяти пяти, широкоплечий, коротко стриженный, с лицом человека, который давно перестал надеяться на спокойные дни. Он спустился на две ступени, подставил плечо и не задал ни одного вопроса до тех пор, пока я не оказался за дверью.

Второй мужчина задавать вопросы начал сразу.

— Вы встали с постели, нашли запечатанную лестницу, спустились в подземелье и снова разбили голову, — перечислил он, оттягивая мне веко. — Я правильно восстановил последовательность ваших решений?

Он был невысокий, худой и совершенно седой. Через плечо висела кожаная сумка, от которой пахло травами и спиртом.

Корвин.

Баронский лекарь. Жил в замке двенадцать лет. Семь последних недель вытаскивал Адриана после затяжной лихорадки.

— Не полностью, — сказал я. Голос всё ещё звучал чужим. — Голову я разбил до того, как решил подняться.

Корвин замер.

Грегор медленно перевёл взгляд на меня.

— Это должно меня утешить? — уточнил лекарь.

— Нет. Просто порядок событий важен для диагноза.

— Для диагноза достаточно того, что пациент спорит.

Он провёл пальцами по моему затылку. Я ожидал вспышки боли, но ощутил только тупое давление. Корвин нахмурился сильнее.

— Кровь почти остановилась.

— Это хорошо?

— Это подозрительно быстро.

Я решил, что знакомить лекаря с аварийным протоколом наследования пока рано.

— Мне повезло.

— В Вельгоре? — Корвин достал чистую ткань. — Смелое медицинское заключение.

Грегор держал меня за локоть осторожно, но крепко. В коридоре за его спиной стоял пожилой слуга с ещё одним фонарём. Высокий, прямой, в безупречно застёгнутом сюртуке, словно подземные поиски барона входили в обычное расписание.

Эдмунд Рей.

Имя появилось вместе с коротким ощущением безопасности. Этому человеку Адриан всецело доверял, хотя причину этому память не подсказала.

Эдмунд поклонился.

— Рад видеть, что подземелье вернуло вас почти в исходном состоянии, милорд.

— Почти?

— Вы разговариваете увереннее.

Он произнёс это спокойно, но задержал на мне взгляд чуть дольше, чем требовал простой ответ. Чужая память не подсказала, было ли это одобрением или первым вопросом.

Корвин перевязал мне голову и велел немедленно возвращаться в спальню. Я уже собирался согласиться — тело поддерживало врача с редким единодушием, — когда на краю зрения вспыхнула красная точка.

Сначала одна.

Потом рядом появилась вторая.

Тонкая схема замка развернулась сама. Доступная область выросла, стоило мне подняться выше подземного узла. На восточной стороне двора один из прямоугольников окрасился оранжевым.

[Аварийное событие в пределах активного контура] Объект: зерновой амбар у восточной стены. Повреждение: прогрессирующее разрушение кровли. Причина: перегрузка водой; гниение несущей балки. Оценка до частичного обрушения: 17–24 минуты. Количество людей внутри: 9. Угроза жизни: высокая. Угроза запасам: критическая.

Из-за дождя за толстыми стенами ничего не было слышно.

— Где восточный амбар? — спросил я.

Грегор не стал уточнять, а просто ответил:

— Во дворе, у старой стены.

— Внутри есть люди?

Теперь он всё-таки посмотрел на меня внимательнее.

— Да, создали ночную смену и отправили перекладывать мешки подальше от протечки. Откуда...

Снизу, со стороны двора, ударил колокол.

Один раз. Пауза. Два быстрых удара подряд.

Лицо Грегора изменилось едва заметно, но рука на моём локте стала жёстче.

— Сигнал амбара, — сказал он.

— Милорд, вы никуда не идёте, — немедленно заявил Корвин.

Но мы уже двигались к лестнице во двор.

Корвин шёл следом, бубня о наследственной неспособности Вельгоров выполнять простые указания. Эдмунд молча снял со стены плащ и набросил мне на плечи прежде, чем холодный дождь успел закончить то, что начала потеря крови.

Во дворе царил управляемый хаос без управления.

Люди вытаскивали мешки из приземистого каменного амбара. Дождь лил через провал в черепичной крыше. По стене уже текла мутная вода, у входа скользили рассыпанные зёрна. Кто-то кричал, чтобы несли семенной запас первым. Кто-то отвечал, что дальнюю дверь заклинило. Лошадь у телеги дёргала поводья и мешала всем сразу.

Кровля просела посередине. Каждый порыв ветра заставлял её опускаться ещё на палец. Я остановился под навесом.

Система наложила на здание прозрачную схему. Несущие балки проступили сквозь черепицу и стены. Одна горела красным от середины до опоры. Две соседние были жёлтыми. По ним бежали цифры нагрузки, которые я не понимал, но итог был достаточно наглядным: красная линия медленно расширялась.

— Где старший? — громко спросил я.

Мужчина у двери обернулся. Лет сорока, широкая борода, мокрая рубаха прилипла к плечам.

— Я тут, милорд. Дарн, амбарщик.

Он явно не ожидал увидеть меня. Особенно в таком виде.

— Сколько зерна внутри?

— Сто сорок два мешка. Было. Восемнадцать вынесли. Там посевное отдельно и овёс для лошадей.

— Дальний выход?

— Дверь разбухла. Не открыть.

— Подпорки?

Дарн показал в сторону навеса. Там лежали три длинных бруса, один с трещиной.

— Плотника позвали. Олвен в Рогачах, если ручей не разлился.

Память подсказала, что до Рогачей было недалеко — деревня начиналась почти за замковыми воротами. Но даже самый быстрый плотник не мог прибыть раньше, чем крыша закончит разговор с законами природы.

Я мысленно выбрал красную балку и тут же окно системы раскрылось поверх дождя.

[Доступно создание аварийного проекта] Цель: сохранить людей и зерновой запас. Вариант 1: полная эвакуация. Ожидаемые потери запасов: 46–63 процента. Риск для людей: высокий. Вариант 2: установка постоянных опор. Требуется: 5 пригодных балок; 12 работников; 42 минуты. Доступное время: не более 19 минут. Вариант 3: временная фиксация контура. Стоимость: 3 единицы резерва. Продолжительность: 15 минут. Условие: владелец остаётся в пределах объекта.

У меня было четыре единицы.

Три можно потратить на амбар. Одна останется всему древнему комплексу, который и без того держался на честном слове и жизненной силе теперь уже моего рода.

С другой стороны, внутри находились девять человек и зерно, без которого баронство не переживёт зиму.

Выбор получился неприятным, но недолгим.

— Создать проект, — сказал я и выбрал вариант под номером 3.

Гербовый перстень обжёг палец.

Голубой свет пробежал по земле от моих ног к амбару, на мгновение его увидели все. Люди замерли, открыв рты, кто-то перекрестился. Судя по их взглядам, люди видели голубой свет на здании, но не окно, цифры и предупреждения перед моими глазами. Свет поднялся по стене и разошёлся по швам кладки. Красная балка дёрнулась, словно её снизу подхватила невидимая ладонь.

Крыша перестала оседать.

[Временная фиксация активна] Осталось: 14 минут 52 секунды. Предупреждение: фиксация не устраняет повреждение. По истечении времени кровля потеряет опору и рухнет. Резерв контура: 1 из 100.

Люди смотрели на меня.

— Потом удивляться будете, — сказал я. — Сейчас работаем, времени нет!

Грегор оказался рядом прежде, чем я успел позвать.

— Что от нас требуется?

Я указал на три бруса.

— Два целых внутрь. Треснувший распустить на клинья. Нужны ещё любые крепкие стойки — ворота, двери, оглобли, мне всё равно. Четыре человека ставят опоры. Остальные выносят зерно. Сначала посевное, потом то, что стоит под протечкой.

Дарн помедлил.

— Милорд, если тронуть ближний ряд, мешки могут завалить проход.

Система подсветила безопасную дорожку зелёным. Она шла не по центру, а вдоль левой стены, за штабелем овса.

— Разбирайте слева. По два мешка, не больше. Центральный проход не трогать.

— Там узко.

— Зато сверху пока ничего не падает.

Это убедило.

Грегор повторил распоряжение громче. Эдмунд отвёл лошадь, развернул телегу боком к двери и каким-то образом заставил двух спорящих работников замолчать одним взглядом. Корвин остался возле меня.

— Если вы упадёте, — сказал он, — то я велю положить вас на эту телегу поверх зерна.

— Главное, не под протечку.

— Я выберу наиболее воспитательное место.

Внутри амбара грохнуло, один из мужиков закричал.

Я сделал шаг к двери, но Корвин схватил меня за край плаща.

— Вы обещали не бежать.

— Я иду.

— Вы падаете вперёд с намерением.

Из амбара показался парень, поддерживавший левую руку. За ним выскочил Дарн.

— Крепление сорвало! Тев остался у дальней стены!

На схеме один из девяти человеческих силуэтов окрасился красным. Он лежал за штабелем, где просела вторичная перекладина. Основная балка пока держалась на магии. Вторичная — нет.

До конца фиксации оставалось одиннадцать минут.

— Верёвка есть? — спросил я.

— Есть, милорд.

— Обвяжите целый брус поперёк двери. Второй конец на телегу. Двое идут внутрь по левой стене. Не поднимают перекладину, только вытаскивают человека. Если зелёная...

Я осёкся. Никто, кроме меня, не видел зелёной линии.

— Держитесь ближе к стене. На полу белая полоса от просыпанного зерна — идите по ней.

Дарн посмотрел внутрь.

— Я пойду.

— Я с ним, — сказал молодой работник.

Эдмунд уже закреплял верёвку.

— Возвращаетесь сразу, — сказал я. — Мешки не подбираете. Героизм в опись не внесём.

Они исчезли в полумраке.

Восемь минут.

Система показывала нагрузку. Красная балка дрожала внутри голубого контура. Трещина продолжала расти, хотя медленнее. Внешняя магия удерживала вес, но не останавливала гниль и воду.

Работники втащили первую подпорку. Поставили не туда — на схеме точка опоры окрасилась жёлтым.

— На полшага вправо! — крикнул я.

— Там камень неровный!

— Подложите клин снаружи, не выравнивайте пол!

Треснувший брус уже рубили на части. Грегор сам подхватил клин и передал внутрь. Первая стойка встала. Жёлтый цвет сменился зелёным.

Шесть минут.

Из глубины показались Дарн и второй мужчина. Между ними волоком тянули Тева. Лицо парня было белым, нога неестественно подвёрнута, но он был в сознании и ругался. Это казалось хорошим признаком.

Корвин отпустил мой плащ и бросился к нему.

— Вторая стойка! — крикнул Грегор.

Её внесли слишком быстро. Нижний конец соскользнул на мокром полу. Брус качнулся в сторону людей.

Эдмунд подставил плечо. Ещё двое навалились рядом.

— Не держите вес! — крикнул я. — Верх в гнездо, низ к стене! Там голубая...

Снова пришлось перевести увиденное на обычный язык.

— На локоть ближе к двери!

Стойку передвинули. Система подтвердила опору короткой зелёной вспышкой.

Две минуты.

— Всем выйти! — приказал я.

— Осталось посевное у дальней стены! — возразил Дарн.

— Крыша важнее мешков.

— Без них весной нечем будет сеять!

Он был прав. Это не делало решение безопаснее.

На схеме я видел два мешка, отрезанных просевшей перекладиной. За ними оставалось ещё шесть. Восемь мешков семенного зерна. Достаточно, чтобы весной засеять часть полей. Недостаточно, чтобы отправлять людей под крышу, которую через сто секунд отпустит магия.

— Люди выходят, — повторил я. — Зерно достанем после того, как закрепим крышу снаружи.

Дарн сжал челюсти, но не мог послушаться приказа барона. Он подчинился.

Последний работник пересёк порог, когда счётчик показал двадцать семь секунд.

— Отойдите от стены! — крикнул я.

Люди отступили под дождь. Грегор потянул меня вместе с ними.

Голубой свет погас и Амбар вздрогнул.

Часть крыши с тяжёлым хрустом просела внутрь. Черепица посыпалась, подняв облако пыли и водяных брызг. Две поставленные стойки приняли нагрузку. Одна застонала, но удержалась. Каменная стена устояла.

Никого внутри не было.

Из ста сорока двух мешков под завалом остались восемь.

Семенной запас — почти весь.

Я только теперь понял, что всё это время почти не дышал.

Мир качнулся. Грегор успел подхватить меня раньше, чем я познакомился с мокрой землёй.

— Корвин, — позвал он.

— У него переутомление, не волнуйся, — отозвался лекарь. — Положите милорда куда-нибудь, где он не сможет руководить.

— В баронстве есть такое место? — спросил Эдмунд.

Корвин задумался на долю секунды.

— Подземелье не предлагать.

Перед глазами развернулось новое окно.

[Аварийный проект завершён] Люди: спасено 9 из 9. Запасы: сохранено 94 процента. Пострадавшие: 2. Объект: требует капитального ремонта. Интеграция замкового узла: увеличение с 0,3 до 1,1 процента. Открыта функция: «Проекты владения». Открыта функция: «Печать исполнителя» — 1 доступное назначение. Резерв контура: 1 из 100.

Система действительно помогла.

Не советом пересчитать мешки после обрушения. Не красивым списком причин. Она нашла гнилую балку, дала нам пятнадцать минут и показала, куда поставить опоры.

Но мешки выносили люди. Стойки держали дерево и железо. Тева из-под балки вытащили Дарн и его товарищ.

Магия купила время, но остальное пришлось делать самим.

* * *

Меня всё-таки уложили.

Не в спальне, так как до неё было два лестничных пролёта, а Корвин заявил, что с него на сегодня достаточно спасать представителей одного рода. Поэтому меня усадили в небольшой комнате возле кухни, завернули в два одеяла и поставили передо мной кружку с отваром, пахнувшим так, словно его готовили из коры, мести и старых носков.

— Пить, — приказал лекарь.

— Что это?

— Средство от желания задавать вопросы.

Я попробовал. Вкус соответствовал назначению.

За окном продолжал идти дождь. Во дворе люди накрывали вынесенные мешки брезентом и переносили их в свободное отделение конюшни. Система больше не показывала красного предупреждения, только серую отметку над амбаром: «Эксплуатация запрещена».

Учитывая состояние крыши, это было одно из тех распоряжений, с которыми никто не собирался спорить.

Грегор вошёл без верхнего плаща. Волосы промокли, на рукаве осталась светлая полоса от муки.

— Из зерна безвозвратно потеряно четыре мешка. Ещё четыре остаются под кровлей, но их достанут после установки внешних опор.

— Посевное зерно?

— Семь мешков спасли. Один остался под завалом.

Он назвал цифры без подготовки. Хороший управляющий. Или человек, который давно привык докладывать о бедствиях раньше, чем с него успеют спросить.

— А если бы крыша обрушилась ночью? — спросил я.

— К утру мы потеряли бы половину зерна. Возможно, больше.

— Почему балку не заменили?

Грегор не отвёл взгляда.

— Олвен обнаружил гниль в конце лета. Новую балку заказали в Пеньках. Дорогу размыло, лес застрял у ручья. Потом мы использовали две пригодные балки для ремонта ворот, потому что после ухода солдат их некому было держать закрытыми вручную.

Вот и первая цепочка.

Не глупость. Выбор между плохим и очень плохим, после которого проигравшая проблема терпеливо ждёт своего часа.

Я отпил ещё отвара и почти не поморщился. Организм, видимо, начал сдаваться.

— Сколько лет всё разваливается?

Вопрос прозвучал жёстче, чем я хотел.

Грегор медленно вытер ладонь о рукав.

— Если вы спрашиваете, когда у дома Вельгор начались трудности, то ещё при вашем дед. Если спрашиваете, когда стало ясно, что мы не справляемся, то после смерти вашего отца.

— Я пытаюсь понять другое. Этими землями управляла моя семья. Дед. Отец. Теперь я. Последнее слово едва не застряло в гортани.

— Они видели долги, плохие дороги и гнилые балки. Почему никто не остановил падение?

Корвин, складывавший окровавленные бинты в таз, резко повернул голову. Грегор остался неподвижен.

Я приготовился услышать удобное объяснение про слабых правителей и тяжёлые времена.

— Потому что они удерживали баронство, милорд, — сказал он. — Не всегда разумно. Не всегда успешно. Но именно удерживали.

— Поясни.

Грегор впервые за весь вечер позволил себе сесть.

— Сорок три года назад Северный тракт исключили из имперского дорожного реестра. В столице решили, что после затишья в Серой Марке старый рубеж больше не требует прежних расходов. Содержание постов, моста и дороги оставили местным владельцам. Торговые караваны перевели на южный путь через земли Вальдена.

Сорок три года.

В окне Системы значилось: сорок три года и восемь месяцев аварийного питания от родо-вого канала.

Совпадение получилось слишком точным, чтобы отмахнуться, и слишком неполным, чтобы сделать вывод.

— Что сделал дед?

— Оставил северный пост. За свой счёт. Он говорил, что имперская карта не остановит того, что однажды придёт из Запретных земель. Тогда ваш дед взял первые займы — на мост, жалование гарнизону и восстановление двух сигнальных башен.

— Он не мог отказаться от поста?

— Мог. Тогдашний граф предлагал снять людей и перенести деревни южнее.

— Почему отказался?

Грегор посмотрел в окно. За дождевой плёнкой двигались тени людей, укрывавших зерно.

— Потому что между северным постом и замком стояли Рогачи, Каменцы и Пеньки. Несколько сотен человек. Из столицы отступление выглядело линией на карте. Для вашего деда — тремя брошенными деревнями.

Ответ мне не понравился.

Наверное, потому что я понимал его слишком хорошо.

— А отец?

— Ваш отец погасил часть старых займов после открытия новой жилы в руднике. Через год выработку затопило в сухое лето. Затем пришли две ранние зимы. Урожай погибал на полях, скот резали на корм, семьи уходили на восток. Он мог взыскать недоимки и сохранить казну. Вместо этого отменил сбор с пострадавших дворов и занял зерно у торговых домов.

— Под залог будущих урожаев.

— Да, — подтвердил Грегор. — Потом Империя потребовала людей для западной кампании. Из Вельгора ушли двадцать семь солдат. Вернулись девять.

Четыре десятка лет решений, каждое из которых отдельно можно было защитить. Сохранить пост. Не бросить деревни. Купить зерно. Не выжимать налоги из тех, у кого ничего не осталось. Отправить солдат по приказу Империи.

Вместе они складывались в пустую казну, долги и амбар, для которого не нашлось одной балки.

Но история всё равно не сходилась полностью.

— Почему рудник затопило в сухое лето?

Грегор медленно покачал головой.

— Причину не нашли. Воды прибыло столько, будто под землёй открылась река.

— А сигнальные башни? Их ведь восстанавливали?

— Трижды, — ответил он с усталостью человека, который слишком долго перечислял одни и те же поражения. — Северная гасла после каждой зимы. Камень трескался изнутри.

Я посмотрел на схему владения. Совпадений становилось многовато.

— Остался мост.

— Ваш дед перестраивал опору. Отец стянул её железом. Сейчас она снова просела. Грегор перечислял это без намёка на заговор. Так говорят о привычном невезении, которому давно перестали искать объяснение.

Система отозвалась тонкой строкой на краю зрения.

«Выявлена возможная связь событий. Достоверность: недостаточная. Требуется обследование внешних узлов.»

Она тоже не знала ответа.

Зато умела замечать, когда несколько старых неудач складывались в одну слишком ровную линию.

— Они болели так же, как я? — спросил я. — Дед, отец.

Корвин опустил бинты.

— Ваш дед умер до моего приезда, но по записям симптомы у него были: слабость сердца, лихорадка, потеря чувствительности в руках. Ваш отец последние годы страдал от тех же приступов. У вас болезнь началась раньше, чем у них и шла быстрее.

— Никто не связывал это с владением?

— За последние двадцать лет я видел, как баронство состарило троих баронов и одного управляющего.

Грегор даже не поднял глаз.

— Не преувеличивай. Двоих баронов.

— Дар Вельгоров всегда считался слабым, — продолжил Корвин. — Ваш отец чувствовал повреждения старых печатей. Иногда знал о пожаре раньше гонца, но за это он расплачивался головной болью и жаром.

Потому что они видели только аварийный канал, подумал я.

Система под замком сорок три года получала энергию от рода, не давая владельцам полноценного доступа. Дед и отец могли ощущать отдельные удары, но не видели ни карты, ни проектов, ни причины истощения.

Адриан нашёл вход. Он нашёл фрагмент ключа.

Пришёл туда с кем-то вторым.

И умер, запустив протокол, который вытащил меня из-под рекламного щита.

— Милорд? — позвал меня Грегор.

Я понял, что слишком долго молчу.

— Да вот пытаюсь решить, что хуже: если нашей семье сорок лет не везло или если невезение работало по расписанию.

— Баронству Вельгоров никогда не требовалось расписание, — сказал Корвин. — Катастрофы приходили самостоятельно.

— Кстати об этом, — произнёс Грегор.

Вот теперь я услышал в его голосе ту самую интонацию. Не тревогу, а подготовку.

— Нет, — сказал я.

— Милорд?

— Сначала отвар. Потом новая катастрофа.

Я допил кружку. После третьего глотка язык онемел, и вкус перестал иметь значение.

— Вот теперь говори.

Грегор достал из внутреннего кармана два конверта.

Первый был запечатан зелёным воском. На втором темнел герб с изображением волка, вставшего лапами на сломанную башню. Чужая память отозвалась неприязнью.

Дом Рейна.

— Первое письмо пришло от графа Вальдена, — сказал Грегор. — Из-за задолженности по вассальному сбору и неполного гарнизона он запросил имперскую проверку. Ревизор придет не позднее чем через тридцать дней.

Он положил зелёный конверт на стол, но второй продолжал держать в руке.

— Судя по вашему лицу, там новости хуже.

— Не хуже, милорд. Ближе. Представители барона Каспара Рейна напоминают о трёх долговых грамотах. Мы ожидали их утром.

— Ожидали утром, — повторил я, прислушиваясь к шуму за дверью. — А приехали они ночью.

В дверь постучали.

Эдмунд вошёл и остановился у порога.

— Прошу прощения, милорд. Господа Фальк и Тейль прибыли раньше назначенного срока. Они у ворот и просят немедленной встречи.

— Сейчас ночь.

— Они привезли нотариуса и четверых вооружённых сопровождающих. Полагаю, темнота показалась им преимуществом.

Перед глазами раскрылось последнее окно.

[Главный проект создан] «Удержать владение Вельгор» Срок до имперской проверки: не более 30 дней. Обязательные условия: — сохранить право владельца на землю; — обеспечить продовольственную устойчивость; — восстановить минимальную защиту границы; — подтвердить способность владения исполнять обязательства; — прекратить аварийное истощение родового канала. Текущая жизнеспособность владения: 4 процента. Рекомендуемое первое действие: не подписывать документы без проверки.

Я посмотрел на герб Рейна, потом на свои слишком тонкие руки.

В прошлой жизни после смерти хотя бы не требовали вставать на переговоры.

— Передайте господам, что барон примет их через час, — сказал я. — Грегор, найдите казначея и все долговые книги. Эдмунд, накормите сопровождающих, но внутрь замка никого не пускайте. Корвин...

— Запретит вам вставать, — закончил лекарь.

— Тогда пусть запретит после того, как принесёт ещё один такой отвар.

Корвин прищурился.

— Зачем?

Я поднял пустую кружку.

— Если переговоры пойдут плохо, предложим его кредиторам.

Эдмунд невозмутимо поклонился и вышел выполнять распоряжение.

Грегор задержался у двери.

— Милорд, — сказал он. — Вы понимаете, что произошло в подземелье?

Я почувствовал под рубашкой холодный край разбитого каменного ключа.

— Нет. — Это был честный ответ. — Но собираюсь выяснить.

За окном дождь наконец начал стихать. Во дворе лежали спасённые мешки. У ворот ждали люди, приехавшие забрать то, что осталось от баронства.

У меня было чужое тело, один пункт магического резерва и тридцать дней до ревизии.

Стартовые условия могли быть лучше.

Зато теперь я точно знал, что баронство разваливалось не просто так.

Кто-то или что-то сорок три года подталкивало его к краю.

Глава 2. Цена подписи

Кредиторы ждали внизу, а я учился ходить в чужом теле.

Пока получалось хуже, чем вести переговоры с перевозчиком, который уже сорвал срок, потерял груз и всё равно требовал доплату за срочность.

— Медленнее, — потребовал Корвин.

— Если двигаться ещё медленнее, меня придётся переставлять вместе с мебелью.

— Прекрасная мысль. Кресло хотя бы не спорит с лекарем.

Он затянул свежую повязку вокруг моих рёбер и отступил, оценивая результат. Переодевание заняло почти четверть часа. Рубашку Эдмунд выбрал свободную, камзол — тёмный, без вышивки, а сапоги пришлось надевать сидя. Каждое движение отзывалось тупой болью в груди, но после подземелья и амбара она уже казалась рабочей помехой.

Гораздо сильнее мешало зеркало.

Из него на меня смотрел молодой мужчина лет двадцати трёх. Узкое бледное лицо, тёмные волосы до плеч, серые глаза, под которыми залегли тени после долгой болезни. Повязка пересекала лоб и исчезала под волосами. Камзол сидел на нём так, словно был сшит для человека на размер больше.

Наверное, так и было. Адриан успел сильно похудеть за время последней лихорадки.

Я поднял руку. Отражение повторило движение.

Привыкнуть к чужому лицу за один вечер было невозможно. Оставалось хотя бы не вздрагивать каждый раз, когда оно появлялось в стекле.

— Милорд, — произнёс Эдмунд у двери, — господин Мартин прибыл.

— Он смог собрать книги?

— Он смог собрать больше книг, чем способен унести человек его телосложения. Две сейчас несёт управляющий.

Корвин вздохнул.

— Вы обещали лежать.

— Я обещал выслушать запрет после отвара. Вы запретили. Я выслушал.

— Когда-нибудь я начну давать вам снотворное.

— Когда-нибудь у нас появятся деньги на снотворное.

Эдмунд едва заметно кашлянул. Подозреваю, так выглядел его смех.

Меня разместили не в парадном зале, а в бывшей малой столовой рядом с кухней. Решение оказалось разумным: до комнаты было всего несколько десятков шагов, в очаге горел огонь, а массивный стол мог выдержать не только долговые книги, но при необходимости и самого барона.

Грегор уже ждал там.

Рядом с ним стоял худой человек лет тридцати пяти с острым носом, поредевшими русыми волосами и выражением человека, который увидел приближающуюся лавину, пересчитал её камни и остался недоволен итогом. Он прижимал к груди толстую книгу в потёртом кожаном переплёте. Ещё две лежали перед Грегором.

Мартин Крой. Казначей дома Вельгор.

Чужая память подбросила кабинет с низким потолком, аккуратные стопки бумаг и голос, сообщающий, что две серебряные монеты не могут быть потрачены одновременно на починку колодца и покупку вина, даже если второе поможет легче пережить первое.

Мартин поклонился и сразу посмотрел на мою повязку.

— Милорд, мне сказали, что вы упали.

— Сегодня это наименее важная из моих проблем.

— Тогда вам ещё не назвали общую сумму долга.

Он положил последнюю книгу на стол с осторожностью гробовщика.

— Называйте.

Казначей посмотрел на Грегора, словно надеялся переложить эту обязанность на человека покрепче.

— По трём грамотам дому Рейна причитается семь золотых и сорок серебряных монет основного долга, — произнёс он. — С процентами, просроченными выплатами и неустойкой их поверенные насчитали одиннадцать золотых и восемьдесят две серебряные монеты.

— А у нас?

Мартин опустил глаза в книгу, хотя ответ явно знал наизусть.

— Одиннадцать серебряных и тридцать семь медных монет.

— В казне?

Казначей помедлил. Совсем немного, но мне этого хватило.

— Во всём баронстве, милорд.

— Даже спрашивать про запасной сундук не стану.

— Сундук есть, — безрадостно сообщил Мартин. — Запаса нет.

Я подождал продолжения.

Его не было.

— Во всём?

— Если не считать две медные монеты, найденные вчера под шкафом в караульной.

— Считать.

Мартин поморщился.

— Они прилипли к полу. Я ещё не решил, во что обойдётся их извлечение.

Кажется, обморока у него пока не случилось лишь потому, что организм привык экономить даже на таком действии.

Я сел во главе стола. Корвин немедленно поставил кресло ближе к огню и положил рядом свёрнутое одеяло. Сопrotивляться сразу врачу, боли и здравому смыслу было слишком утомительно.

— Покажите грамоты.

Мартин раскрыл тонкую папку.

— Подлинники находятся у кредитора. У нас копии и записи о платежах. Первая грамота выдана вашим отцом восемь лет назад на содержание гарнизона и ремонт северного моста. Вторая — четыре года назад, после неурожая. Третья — два года назад, на закупку семенного зерна и восстановление рудничного водоотвода.

— Чем обеспечены?

— Первая — будущими поставками древесины и правом рубки в западном лесу. Вторая — мельницей, амбарами и частью будущего урожая. Третья...

Мартин замолчал.

— Продолжайте.

— Рудником и землями Каменцев.

Грегор положил ладонь на край стола.

— Без рудника мы не сможем рассчитаться ни с кем. Даже если выработку удастся осушить, барон Рейн получит право на всю добычу.

— А без мельницы и зерна мы не доживём до момента, когда появится добыча, — добавил Мартин. — В хозяйственном отношении выбор хорошо сбалансирован. Оба варианта ведут к разорению примерно с одинаковой скоростью.

— Умеете успокоить.

— Я казначей, милорд. Успокаивать должен тот, у кого есть деньги.

Я пролистал копии. Местное письмо читалось свободно, словно я знал его всю жизнь, но юридические выражения требовали усилий. Часть смысла приходила из памяти Адриана:

право удержания, обеспечение, поручительство рода, вассальное согласие. Остальное выглядело как обычная попытка спрятать неприятное решение внутри длинной фразы.

— Почему они приехали сегодня?

Мартин развернул одну из грамот и прижал угол пальцем.

— Срок платежа наступает завтра на закате. До этого они вправе потребовать сверку, но не имущество.

— Значит, ночью забрать рудник они не могут.

— Законно — нет, — осторожно уточнил казначей.

Это «законно» мне не понравилось.

— Тогда зачем нотариус и готовое соглашение?

— Чтобы вы добровольно объединили три долга в один. Вам предложат отсрочку, возможно, простят часть неустойки.

— И попросят сущую мелочь взамен.

Мартин посмотрел на три грамоты.

— Если бы я знал какую, уже лежал бы рядом с Корвином и требовал лекарства.

Лекарь, стоявший у окна, недовольно покосился на него.

— Рядом со мной лежат только пациенты.

— После предложения дома Рейна я им стану.

Грегор подвинул ко мне книгу платежей.

— Есть ещё одна проблема. Последняя выплата по второй грамоте не отражена в копии расчёта, которую прислал Рейн.

— Сколько?

— Платёж общей стоимостью восемьдесят шесть серебряных, — ответил Мартин. — Его внесли монетой и двумя возами выделанной кожи. В книге запись есть. Расписки нет.

— Потеряли?

Казначей сжал губы.

— Ваш отец получил её лично. После его смерти бумаги из кабинета переносили в архив. Я трижды проверял опись. Расписку не нашёл.

— Кто имел доступ?

— Ваш отец. Вы. Грегор. Эдмунд. Я. Двое писцов, оба уехали зимой. Корвин, когда искал медицинские записи.

— Я не краду расписки, — сказал лекарь. — На них плохо писать назначения.

Пять человек в замке, двое бывших служащих и мёртвый барон. Список получился достаточно широким, чтобы обвинить любого, и достаточно бесполезным, чтобы не обвинять никого.

Я положил ладонь на страницу с записью о выплате.

Голубой свет не появился.

— Система, — мысленно позвал я. — Проверить обязательства дома Вельгор.

На краю зрения возникла серая строка.

«Недостаточно данных. Требуются подлинники документов или подтверждённый реестр владения.»

По крайней мере, она не стала изображать всезнание.

— Подлинники запросим у поверенных, — сказал я. — До встречи мне нужно знать правила. Коротко. Что они могут сделать законно, если мы не заплатим завтра?

Мартин открыл рот, но я остановил его.

— Очень коротко, у нас мало времени, — напомнил я.

Он закрыл его, подумал и начал загибать пальцы.

— Вручить уведомление о просрочке. Потребовать опись залога при участии нашего представителя. Через десять дней обратиться в вассальный суд графа Вальдена. При наличии угрозы порчи залога могут запросить временное управление имуществом.

— Забрать что-нибудь сегодня?

— Только если вы добровольно подпишете передачу.

— А вооружённые люди?

На этот раз ответил Грегор:

— Четверо вооружённых сопровождающих допустимы на дороге. За ворота без вашего разрешения они не войдут.

— Уже не вошли?

— Эдмунд разместил их в старой караульной снаружи внутреннего двора. Оружие оставили при себе.

— Почему?

— Потому что оружейная запирается только изнутри, милорд.

Я посмотрел на него.

— Ворота мы починили балками от амбара, — напомнил Грегор. — На оружейную балок не осталось.

Вот она, настоящая управленческая система Вельгора: каждая решённая проблема создавала две новых и оставляла записку с извинениями.

Я закрыл долговую книгу.

— Позовите их.

Корвин немедленно возразил:

— Прошло сорок семь минут. Вы обещали час.

— Значит, у меня осталось тринадцать минут отдыха после переговоров.

— Так время не работает.

— Сегодня оно уже один раз работало очень странно.

Лекарь хотел продолжить, но в дверь постучали.

Эдмунд вошёл без обычной невозмутимости. Изменение было почти незаметным – плечи чуть напряжены, правая рука лежит ближе к поясу.

— Господа ожидают, милорд.

Эдмунд произнёс это обычным тоном, но правую руку держал слишком близко к поясу.

— Кто из них уже успел отличиться?

— Один сопровождающий заинтересовался дверью во внутренний двор. Второй пересчитал лестницы. Я счёл их любознательность преждевременной.

— Усиьте караул.

Грегор посмотрел сначала на меня, потом на дворецкого.

— Кем? — очень осторожно уточнил он, ожидая услышать плохие новости.

В комнате стало тихо.

Гарнизон ушёл. В замке оставались слуги, работники, несколько раненых бывших солдат и люди, которые только что всю ночь спасали зерно. Приказать им изображать стражу можно. Сделать их стражей нет.

На краю зрения мигнула новая метка.

[Доступна функция — Печать исполнителя] Назначение: передача доверенному лицу ограниченных полномочий в рамках выбранного проекта. Исполнитель получает: — предупреждения об угрозах, связанных с поручением; — доступ к отдельным указаниям владельца; — право подтверждать выполнение назначенных действий. Ограничение: полный интерфейс владения остаётся недоступен. Риск: назначенное лицо узнает о существовании управляющего контура. Рекомендация: не использовать без проверки кандидата.

Система предлагала удобное решение. Слишком удобное.

Чужая память доверяла Эдмунду безоговорочно. Я знал его меньше суток. Этого хватало, чтобы поручить ему безопасность замка, но не хватало, чтобы открыть тайну, которую пока не понимал сам.

Право назначить исполнителя не означало обязанности сделать это немедленно.

Я закрыл уведомление.

— Эдмунд, подойдите.

Дворецкий остановился возле стола.

— Сколько людей привёл господин Фальк?

— Сам господин Фальк, с ним еще один поверенный, нотариус и четыре сопровождающих. Двое сопровождающих остались у лошадей, ещё двое размещены во внешней караульной.

— Те самые любознательные?

— Именно они, милорд.

— Возьмите двух работников из тех, кто служил в гарнизоне. Одного поставьте у прохода во внутренний двор, второго — возле северной лестницы. Гостям разрешены караульная, двор и эта комната. Если кто-то решит расширить список, верните его обратно.

— Насколько настойчиво? — уточнил Эдмунд.

— Начните с вежливости.

— А закончить?

— Так, чтобы Корвину не пришлось лечить больше двух человек.

Лекарь кашлянул.

— Одного. У меня закончилась чистая нить.

— Вы слышали, — сказал я дворецкому.

— Предельно ясно, милорд.

Эдмунд поклонился и вышел.

Через минуту в комнату вошли кредиторы.

* * *

Господин Фальк выглядел как человек, который никогда не повышает голос, потому что за него это делают условия договора.

Ему было около пятидесяти. Седина аккуратно подстрижена, тёмно-зелёный дорожный камзол сидел без единой складки, сапоги успели очистить от грязи. На пальце поблёскивал перстень дома Рейна — волк над сломанной башней.

Тейль оказался моложе, чуть старше тридцати. Узкое лицо, светлые волосы, прижатая к боку кожаная папка. Он смотрел не на людей, а на предметы: стол, окна, двери, книги. Оценивал.

Третьим вошёл невысокий полный мужчина в серой мантии нотариуса. Представился мастером Гервином, показал серебряную цепь должности и сразу занял место у края стола, отдельно от поверенных. Рядом с должностным знаком на цепи висел бронзовый круг с изображением раскрытой ладони.

Мартин задержал взгляд на бронзовой печати, но ничего не сказал.

Это мне понравилось. Значит, хотя бы формально нотариус принадлежал не Рейну, а закону.

Фальк поклонился ровно настолько, насколько требовало различие в положении.

— Барон Вельгор. Примите пожелания скорейшего выздоровления от моего господина.

— Передайте барону Рейну благодарность. Особенно за заботу, проявленную посреди ночи.

— Мы торопились, узнав о вашем несчастье.

— От кого?

Вопрос прозвучал спокойно, но Тейль впервые посмотрел прямо на меня.

Фальк улыбнулся.

— Новости на границе путешествуют быстрее почты.

— Моя голова пострадала меньше трёх часов назад.

— Я имел в виду вашу болезнь, милорд.

Правильный ответ. Слишком гладкий, чтобы за него зацепиться.

— Тогда перейдём к причине визита.

Фальк положил на стол три свёрнутых грамоты.

— Дом Рейна не желает разорения соседу. Барон Каспар понимает, какие трудности выпали вашему роду, и готов предложить выход, который сохранит за вами замок, титул и доход, достаточный для достойной жизни.

— Звучит щедро.

— Разумно. Разорённый сосед не приносит пользы никому.

Тейль развернул четвёртый документ. Он был длиннее остальных и уже имел ленты для печатей.

— Соглашение объединяет обязательства, приостанавливает начисление штрафов и откладывает первый платёж на девяносто дней, — сказал он. — Дом Рейна также берёт на себя урегулирование вопроса с графом Вальденом и отзывает ходатайство о временном управлении залогом.

— В обмен?

— На двадцать лет передаются права на рудник и рубку в западном лесу. Каменцы остаются под вашей властью. Их жители будут работать по договору с управляющим барона Рейна.

— Доход от рудника и лесных заготовок будет уменьшать долг?

— По ежегодной оценке управляющего дома Рейна, за вычетом расходов на восстановление и содержание.

То есть Рейн сам решал, сколько заработали мои земли, сколько стоило ими управлять и какая часть после этого считалась выплатой.

Мартин рядом со мной издал едва слышный звук. Так мог скрипнуть сундук, из которого разом вынули всё содержимое.

— А мельница? — спросил я.

— Остаётся за вами, — ответил Фальк. — Как и урожай. Видите, милорд, наш господин не требует невозможного.

Он требовал только всё, чем можно было заработать на выплату остального долга.

— Общая сумма?

Тейль указал на строку в соглашении.

— Одиннадцать золотых и восемьдесят две серебряные монеты на сегодняшнюю дату.

— Сегодняшнюю или завтрашнюю?

— Разница несущественна.

— Тогда вам будет нетрудно её убрать.

Улыбка Фалька стала чуть уже.

— Разумеется. После подписания.

— Сначала подлинники старых грамот.

— Милорд, их содержание вам известно.

— Именно поэтому проверка не займёт много времени.

Мастер Гервин поднял ладонь:

— Требование Вальдена законно. Для удостоверения нового соглашения я также должен сверить основания долга.

Тейль неохотно передал ему три документа. Нотариус проверил печати и разложил грамоты передо мной.

Пергамент был плотным, потемневшим на стигах. Под текстом стояли подписи отца Адриана, свидетелей и представителей дома Рейна. Внизу каждой грамоты висели восковые печати.

Я коснулся первой.

Гербовый перстень нагрелся.

[Обнаружен документ владения] Тип: долговое обязательство. Стороны: барон Вельгор; торговый дом Рейна. Подлинность носителя: высокая. Подлинность печати владельца: подтверждена родовым контуром. Доступно: создать реестр обязательств. Стоимость создания: 0 единиц резерва. Примечание: функция использует подтверждённые документы и не заменяет правовую оценку.

Наконец-то бесплатная функция.

Я подтвердил создание реестра обязательств, и текст на пергаменте дрогнул. Перед глазами начали мельтешить цифры и символы, собираясь в таблицу данных. Система не изменила сам документ, да и не подсказала, как победить. Её функционал состоял просто в том, чтобы разложить написанное на понятные части.

Я повторил процедуру с оставшимися грамотами. Реестр заполнялся строками.

[Реестр обязательств дома Вельгор] Подтверждённый основной долг: 7 золотых; 40 серебряных. Подтверждённые проценты: 2 золотых; 71 серебряная. Подтверждённая неустойка на текущую дату: 73 серебряные. Неподтверждённые требования: 98 серебряных. Выявленные расхождения: 3. Для уточнения требуются платёжные расписки, свидетельства передачи имущества или двусторонняя сверка.

Восемьдесят шесть серебряных непризнанного осеннего платежа и ещё двенадцать неизвестно откуда.

— Господин Тейль, — сказал я, — объясните происхождение девяноста восьми серебряных монет в вашем расчёте.

— Накопленная неустойка. — Он даже не посмотрел в сторону бумаги.
— Но неустойка составляет семьдесят три.
— На начало прошлого месяца.
— На сегодняшний день.
Тейль открыл папку.
— Позвольте...
— И пока позволяю, найдите ещё двенадцать серебряных монет. Восемьдесят шесть относятся к непризнанному осеннему платежу. Остальные появились между строками.
Мартин застыл рядом. Потом очень медленно придвинул к себе расчёт поверенных.
— Милорд, — прошептал он, — здесь сбор за продление второй грамоты.
— В самой грамоте он есть?
Казначей пробежал глазами текст.
— Есть сбор за составление нового соглашения. Но его не составляли.
— Составили сейчас, — возразил Тейль.
— Тогда почему он уже включён в старый долг?
На этот раз ответил Фальк:
— Ошибка писца. Двенадцать серебряных монет будут исключены.
Он произнёс это с такой лёгкостью, словно только что не попытался купить за чужую невнимательность годовое жалованье нескольких работников.
— Остаются восемьдесят шесть.
— Дом Рейна не получил эту выплату.
Мартин раскрыл книгу на нужной странице.
— Передача состоялась пятнадцатого дня месяца жатвы. Платёж общей стоимостью восемьдесят шесть серебряных внесли монетой и двумя возами выделанной кожи. Присутствовали я, покойный барон и ваш сборщик Ральд.
— Господин Ральд погиб зимой, — сказал Тейль. — Расписки нет. Запись одной стороны не является доказательством.
Мартин посмотрел на бронзовую печать, висевшую на цепи нотариуса.
— Я готов подтвердить передачу под печатью свидетельства.
Гервин покачал головой.
— Печать подтвердит, что вы не лжёте сознательно. Но она не докажет, что люди Ральда доставили имущество на склады его господина, и не заменит утраченную расписку.
— Зато подтвердит, что платёж покинул наш двор, — возразил Мартин.
— Если вы действительно это видели, — согласился нотариус. — Внесём присягу в окончательную сверку.
— Но и ваш расчёт доказательством не является, — заметил я.
Мастер Гервин кашлянул.
— При отсутствии расписки вопрос решает двусторонняя сверка либо вассальный суд.
— До решения суда долг считается непогашенным, — сказал Фальк.
— А до наступления срока платежа — непросроченным, — ответил Мартин.
Все посмотрели на казначея.
Он побледнел, будто только теперь понял, что перебил поверенного одного из самых влиятельных соседей. Но взгляда не отвёл.
Хороший казначей.
Фальк сложил руки на столе.
— Милорд, мы можем спорить о двенадцати серебряных монетах, о потерянной расписке и о том, наступит ли просрочка сегодня или завтра. Это ничего не изменит. У дома Вельгор нет десяти золотых монет. Скорее всего нет даже одного золотого. Через месяц прибудет импер-

ский ревизор, а граф Вальден уже поставил под сомнение вашу способность содержать владение.

— Поэтому вы предлагаете забрать всё, что ещё приносит доход.

— Мы предлагаем оставить вам имя и дом.

— Дом с дырявой крышей?

— Земля всё равно останется вашей.

— Земля без леса и рудника называется обузой.

Фальк перестал улыбаться. Совсем немного, но этого оказалось достаточно.

Значит, попал.

— Каково ваше встречное предложение?

Вот только встречного предложения у меня пока не существовало.

Именно в этот момент Система раскрыла новое окно.

[Анализ вариантов урегулирования] Исходные данные неполны. Расчетная погрешность: высокая. Вариант: принять соглашение дома Рейна. Вероятность сохранить титул до ревизии: 62%. Вероятность восстановить платёжеспособность владения в течение 5 лет: менее 4%. Вариант: отказ без предоставления обеспечения. Вероятность введения временного управления залогом: 71%. Вариант: потребовать сверку и использовать договорный срок уведомления. Доступное время до возможного изъятия: 10–14 дней. Рекомендация: получить время; завершить оценку ресурсов; не принимать необратимых обязательств.

Совет был здравым и совершенно бесполезным, так как не нес в себе никакой причины, по которой кредиторы согласятся отсрочить обязательства.

Я посмотрел на подлинники.

Первая грамота была заключена восемь лет назад. На ней стояло согласие представителя графа Вальдена. На второй — тоже. А вот на третьей в соответствующей строке темнел прочерк.

— Почему третья грамота не подтверждена сюзереном?

Мартин наклонился ближе.

— Потому что сумма ниже предела, требующего согласия графа.

— А залог?

Казначей замер.

Тейль быстро произнёс:

— Размер обязательства определяется основной суммой.

— Я спросил своего казначея.

Мартин перелистнул запись в книге, затем вторую.

— Передача земель с населением требует уведомления сюзерена независимо от суммы, — сказал он медленно. — Но грамота передаёт не сами земли, а право дохода с рудника.

— Вместе с управлением Каменцами при просрочке, — подсказал я, читая выделенную Системой строку.

Мастер Гервин протянул руку.

— Позвольте документ.

Он прочитал пункт дважды. Потом посмотрел на поверенных.

— Формулировка допускает переход судебной власти над работниками рудника на срок управления залогом.

— Только для поддержания порядка на предприятии, — сказал Фальк.

— Каменцы существуют вокруг предприятия, — возразил нотариус. — Это может быть истолковано как временная передача поселения.

— Может быть истолковано, — повторил я. — Значит, до этого вы обязаны уведомить графа?

Мастер Гервин не спешил отвечать.

— До фактического принятия управления — да.

— Уведомили?

Фальк молчал.

Тейль закрыл папку.

— Ходатайство подготовлено.

— Но не подано, — сказал я. — Иначе граф успел бы узнать, что барон Рейн собирается получить власть над частью чужого владения за три недели до имперской ревизии. Думаю, ему было бы интересно.

Это был риск. Граф Вальден сам добивался проверки и едва ли желал спасти Вельгор. Но одно дело лишить слабого вассала титула по закону. Совершенно другое позволить соседнему барону без разрешения прибрать пограничное поселение. Власть редко любит, когда её обходят, даже если результат ей выгоден.

Фальк перестал улыбаться.

— Что вы предлагаете?

— Завтра вы вручаете уведомление в установленный срок. Мы проводим сверку трёх грамот с участием мастера Гервина. До её завершения спорные девяносто восемь серебряных монет не включаются в сумму. Никаких новых соглашений и никакого управления залогом.

— А после сверки?

— Я представляю порядок выплат и обеспечение, которое не уничтожит источник этих выплат.

— Через сколько?

Система рекомендовала десять–четыренадцать дней. Просить максимум означало показать слабость. Просить меньше — самому отказаться от времени.

— Через семь дней.

Мартин резко повернулся ко мне. Грегор остался неподвижен, но его пальцы сжались на краю книги.

Фальк усмехнулся.

— За семь дней вы найдёте десять золотых монет?

— За семь дней я выясню, чем действительно владею. Судя по вашим бумагам, вы тоже этого пока не знаете.

— А если ваше предложение нас не устроит?

— Тогда на восьмой день обратитесь к графу. С полным текстом третьей грамоты и объяснением, почему попытались ввести управление Каменцами без его уведомления.

Тишина затянулась.

За стеной потрескивали дрова в кухонном очаге. Где-то во дворе лошадь ударила копытом по доскам. Я слышал собственное дыхание и чувствовал, как под повязкой снова начинает пульсировать затылок.

Корвин переместился ближе. Не из поддержки — хотел поймать меня, если я свалюсь со стула.

Фальк посмотрел на мастера Гервина.

— Может ли барон потребовать семидневную сверку?

— Грамоты не устанавливают её продолжительность, — ответил нотариус. — Но при наличии заявленного расхождения отказ от сверки будет отмечен судом.

— Разумеется.

Фальк медленно собрал подлинники.

— Мы останемся до утра. Уведомление будет вручено после восхода солнца. Семь дней, милорд. Ни часом больше.

— Мастер Гервин оставит копии сегодняшних расчётов обеим сторонам.

— Оставляю, — подтвердил нотариус.

Тейль свернул новое соглашение. Ленты для печатей остались пустыми.
Пока что.

Фальк поднялся.

— Надеюсь, вы понимаете, что отсрочка не означает слабость дома Рейна.

— Конечно. Как и моя проверка документов не означает нежелания платить.

— А что она означает?

— Что я начал читать документы до их подписания.

Он коротко поклонился.

— Покойный барон тоже читал.

— Значит, у нас была хорошая семейная привычка.

Фальк задержал на мне взгляд на секунду дольше, чем требовала вежливость, затем повернулся к двери.

И в этот момент в висках коротко кольнуло.

Поверх схемы замка вспыхнули две красные отметки. Они находились уже не у внешней караульной. Одна двигалась вдоль конюшни. Вторая приближалась к северному крылу, где располагались архив и кабинет покойного барона.

[Нарушение внутреннего контура] Обнаружено: 2 вооружённых человека. Разрешённая область пребывания покинута. Направление: — конюшня и внутренний двор; — северное крыло, архив. Уровень угрозы: средний. Рекомендация: перекрыть доступ к служебным помещениям; установить личности и цель перемещения.

Я не изменил выражения лица.

— Господин Фальк, задержитесь.

Он остановился.

— Возник ещё один вопрос.

— В столь поздний час вопросы имеют обыкновение множиться.

— Особенно если ваши люди гуляют по моему замку.

Тейль первым посмотрел на дверь.

— Все сопровождающие находятся в караульной.

— Уже нет.

Фальк повернулся к нему.

Это движение сказало больше слов. Либо старший поверенный действительно ничего не знал, либо они очень хорошо репетировали удивление.

В коридоре послышались быстрые шаги. Потом удар, приглушённое ругательство и голос Эдмунда:

— Прошу не сопротивляться. В этом крыле скользкие ступени.

Второй удар прозвучал убедительнее первого.

Корвин закрыл лицо ладонью.

— Я просил одного.

— Возможно, второй ещё здоров, — сказал я.

Дверь распахнулась.

Эдмунд вошёл, держа за ворот молодого мужчину в дорожной куртке. Руки пленника были стянуты ремнём. За ними двое работников тащили второго — постарше, с рассечённой бровью и совершенно здоровой способностью ругаться.

— Два сопровождающих господина Фалька заблудились, — сообщил Эдмунд. — Один возле архива. Другой пытался открыть дверь кабинета покойного барона.

— Мы искали нужник! — выпалил молодой.

— По отдельности? — спросил я.

Он открыл рот и не нашёл ответа.

Эдмунд положил на стол два ножа, короткий железный крюк и кусок мягкого воска с отпечатком ключа.

Мартин побледнел так сильно, что Корвин машинально подвинул к нему свободный стул.

— Это ключ от архива, — сказал казначей.

Фальк посмотрел на своих людей.

— Кто приказал вам покинуть караульную?

Старший сплюнул кровь на пол.

— Никто.

— Кто дал воск?

— Нашёл.

— Где?

— В нужнике, — подсказал Эдмунд.

Пленник посмотрел на него с ненавистью.

Система выделила железный крюк серым, ножи — тоже. Когда взгляд остановился на воске, появилась короткая подпись:

«Слепок изготовлен не ранее 12 часов назад. Состав: пчелиный воск, льняное масло, угольная пыль»

Не доказательство. Но слепок сделали ещё до приезда или сразу после него. Кто-то заранее знал, какой ключ понадобится.

— Господин Фальк, — сказал я, — есть ли в ваших грамотах пункт, разрешающий взламывать архив должника до наступления срока платежа?

— Эти люди действовали без моего приказа.

— Тогда вы не будете возражать против их задержания до выяснения обстоятельств.

Тейль шагнул вперёд.

— Они под защитой дома Рейна.

— Внутри моего замка они под защитой моей терпеливости. Она сегодня сильно истощена.

Мастер Гервин поднялся.

— Самовольное проникновение вооружённых сопровождающих в жилое крыло является нарушением мира владения. Барон вправе задержать их до трёх дней и потребовать объяснений от нанимателя.

— Благодарю, мастер.

Фальк медленно повернул перстень на пальце.

— Семь дней, барон Вельгор. Не советую тратить их на дешёвые обвинения.

— А я не советую вашим людям искать нужники с инструментами для взлома.

Мы смотрели друг на друга через стол.

Теперь он точно не считал меня прежним больным мальчишкой. Не знал, что изменилось, и потому был опаснее, чем в начале встречи.

— Мы заберём остальных сопровождающих и разместимся в Рогачах, — сказал Фальк.
— Утром вернёмся с уведомлением.

— Эдмунд проводит вас до ворот.

— Я знаю дорогу.

— Именно поэтому он вас и проводит.

Фальк ушёл первым. Тейль задержался, собирая бумаги. Его взгляд скользнул по долговой книге, по восковому слепку, затем остановился на моей руке с гербовым перстнем:

— Семь дней — короткий срок, барон.

— Благодарю вас за уточнение.

Он ничего не ответил.

Когда дверь закрылась за выходящим Тейлем, Мартин опустился на предложенный Корвином стул.

— Милорд, — сказал он слабым голосом, — вы только что попросили семь дней.

— Я помню.

— Чтобы найти способ выплатить больше десяти золотых монет.

— Помню и это.

— Хорошо. Я опасался, что удар по голове повредил вам память.

— Он повредил мне способность бояться цифр.

Мартин посмотрел на меня с искренним ужасом.

— Это гораздо опаснее.

Грегор запер дверь и вернулся к столу.

— Почему семь?

— Потому что десять они бы не дали, а за три мы не успеем даже понять, что можно продать без немедленной смерти пациента.

— Владение — пациент? — уточнил Корвин.

— У него четыре процента жизнеспособности. Выражение подходит.

Лекарь потянулся к моей руке, проверяя пульс.

— У владельца ненамного больше.

Система развернула уведомление.

[Промежуточный этап главного проекта завершён] Предотвращена немедленная передача ключевых источников дохода. Получено время: 7 дней. Создан реестр обязательств. Уточнён подтверждённый долг: 10 золотых; 84 серебряные. Спорная сумма: 98 серебряных. Открыт проект: «Проверка ресурсов владения». Предупреждение: доступных средств недостаточно для обслуживания долга. Рекомендация: найти доход, сократить обязательства либо изменить условия расчёта.

Система умела поздравлять так, что хотелось проверить, а не работает ли она на кредиторов.

— Утром начинаем полную опись, — сказал я. — Деньги, зерно, животные, инструменты, долги перед нами, долги наши. Отдельно проверяем рудник, лес, мельницу и дороги.

Мартин закрыл глаза.

— Чтобы провести полную опись баронства, нужны писцы.

— Сколько у нас?

— Один.

— Вы?

— Я казначей.

— Значит, один.

— А деревни?

— Старосты дадут сведения.

— Староста Рогачей не умеет писать.

— Тогда даст человека, который умеет считать.

— Его сын умеет ставить цифры, — сказал Грегор. — Иногда даже в нужном порядке.

— Уже неплохо. В Каменцы отправим гонца на рассвете. В Пеньки — как только станет ясно, не размыло ли дорогу.

Мартин смотрел на меня так, будто пытался решить, где заканчивается решительность и начинается лихорадка.

— Милорд, даже если мы пересчитаем каждую курицу, десять золотых монет не появится.

— Мне не нужна десять золотых монет за семь дней. Мне нужен способ убедить кредитора, что работающий Вельгор принесёт ему больше, чем мёртвый.

— А если такого способа нет?

— Тогда найдём, кому ещё невыгодно, чтобы Рейн получил рудник и северную дорогу. Грегор понял первым.

— Граф Вальден.

— Возможно. Торговцы, которые пользуются мостом. Империя, если старый рубеж действительно кому-то нужен. Сначала данные, потом союзники.

Слова звучали уверенно. Внутри уверенности было значительно меньше.

Я знал, как спасти склад от сорванной поставки, когда есть телефоны, контракты, таблицы и люди, которым можно позвонить. Здесь у меня имелись средневековый казначей, управляющий без гарнизона и магическая Система, питавшаяся последней единицей неизвестно чего.

Но принцип оставался тем же.

Сначала понять, что у тебя есть.

Потом — что горит первым.

И только после этого обещать сроки.

— Милорд, сейчас вам нужно ложиться отдохнуть, — сказал Корвин.

— Остался вопрос с людьми у архива.

Дверь открылась прежде, чем лекарь успел ответить.

Эдмунд вернулся один. На белой манжете его рубашки появилась узкая ярко-красная полоса, но кровь была не его. Он положил на стол сложенный вчетверо лист.

— Нашёл у старшего, — сказал он. — Во внутреннем кармане.

Это был план замка, но не подробный, а лишь очертания стен, башни, внутренний двор, жилое и северное крыло. Возле архива стоял угольный крест. Возле кабинета отца Адриана — второй.

Третий знак находился под замком.

Там, где на обычных планах не было ничего, кроме старого фундамента, чья-то рука нарисовала лестницу и круглый зал.

Я почувствовал под рубашкой холодный край фрагмента первичного ключа.

— Они искали не долговую расписку, — тихо сказал Грегор.

— Возможно, искали и её. Но знали и о подземелье.

— Барон Рейн?

Я посмотрел на схему. Линии были нанесены уверенно. От внешнего двора до скрытой лестницы вёл маршрут, почти совпадавший с тем, по которому Система вывела меня несколько часов назад.

Фальк мог лгать. Его люди могли действовать без приказа. План мог попасть к ним от кого угодно.

Одного вывода всё ещё было недостаточно.

Зато появился правильный вопрос.

— Нет, — сказал я. — Сначала узнаем, кто нарисовал карту.

На краю листа темнел маленький знак, который я сперва принял за пятно.

Две пересекающиеся серебристые линии, продавленные в бумагу тупым остриём.

Такой же узор проходил по разбитому каменному ключу у меня за пазухой.

Система отозвалась без приглашения.

[Обнаружена метка доступа] Источник: неизвестен. Уровень полномочий: определить невозможно. Последняя регистрация сходной метки: главный узел Вельгора. Время: 3 часа 41 минута назад. Предупреждение: возможна связь со вторым пользователем первичного ключа.

Кредиторы дали мне семь дней на поиск денег.

Кто-то другой, похоже, не собирался давать даже этого.

Глава 3. Цена точных цифр

Первое утро в роли барона началось с того, что казначей пересчитал мой завтрак.

— Половина каравая, сыр и отвар, — перечислил Мартин, глядя на поднос так, будто Корвин пытался тайно вывезти казну. — Сыр из запасов кухни или куплен вчера?

— Из запасов, — ответил Эдмунд.

— Тогда допустимо, — кивнул Мартин.

— Я рад, что могу есть без разрешения кредиторов, — сказал я.

— Пока можете, милорд, — безрадостно уточнил Мартин.

Мартин положил рядом с тарелкой долговую книгу.

Корвин немедленно переложил её на другой край стола.

— Сначала завтрак, — отрезал Корвин.

— Сначала цифры, — возразил казначей.

— Если барон упадёт в обморок, цифры придётся читать вам вслух, — предупредил Корвин.

Мартин посмотрел на раскрытую книгу, затем на меня и уступил. Не из жалости. Просто вслух долг звучал ещё хуже.

Я проспал чуть больше двух часов. Этого хватило, чтобы боль в рёбрах стала тупой, затылок начал пульсировать в такт сердцу, а тело окончательно решило, что вставать с постели было ошибкой. Корвин разрешил мне дойти только до малой столовой и взял с Грегора обещание не выпускать меня из замка.

Грегор обещал.

Я — нет.

За окнами серело дождливое утро. Во дворе перекладывали спасённое зерно, над повреждённым амбаром ставили временный навес. Люди двигались медленно после бессонной ночи, но никто не спорил и не останавливался. Девять человек вышли оттуда живыми. Иногда этого достаточно, чтобы работа продолжилась без приказа.

О голубом свете уже знал весь замок. Дарн называл его родовой печатью Вельгоров. Работники у амбара — пробудившимся даром. Корвин требовал не называть чудом действие, после которого барон снова едва не потерял сознание. Я не подтверждал ни одну версию и не опровергал остальные.

На столе лежал план замка, найденный у людей Фалька. Серебристая метка на краю листа больше не светилась. Система узнавала её, но по-прежнему не могла определить владельца.

Эдмунд уже допросил задержанных.

— Старший утверждает, что слепок ключа получил в запечатанном свёртке, — сообщил он. — Свёрток передал мальчишка возле постоянного двора на западной дороге. За вход в архив обещали пять серебряных. За любую бумагу с изображением башни ещё десять.

— Кто обещал деньги?

— Письмо было без подписи, — ответил Эдмунд. — Старший якобы получил его вместе со слепком ключа.

— Удобный заказчик. Не представился, но заранее знал устройство замка.

— Молодой сопровождающий действительно ничего не знал. Первые несколько минут он честно искал нужник. Потом старший объяснил ему настоящее поручение.

— А Фальк, разумеется, ни при чём.

— Оба задержанных на этом настаивают. — Эдмунд чуть помедлил. — Они могут говорить правду. Или повторять заранее согласованную версию. Отличить одно от другого я пока не могу.

Правильный ответ. Неприятный, зато честный.

— Держите их отдельно. План никому не показывать. Архив и кабинет отца опечатать нашей печатью.

— Уже сделано, — ответил Эдмунд.

— А расписка на осенний платёж стоимостью восемьдесят шесть серебряных?

— Не найдена, — ответил Эдмунд.

Тайна второго пользователя ключа никуда не исчезла. Она встала в очередь вместе с долгами, ревизором и мостом, который мог рухнуть раньше, чем я научусь правильно застёгивать свой камзол.

Мартин дождался, пока я съем сыр, и вернул книгу на середину стола.

— Я пересчитал обязательства в новой записи, — сказал он. — Подтверждённый долг составляет десять золотых и восемьдесят четыре серебряные монеты. Спорное требование — ещё девяносто восемь серебряных.

В местной денежной системе всё выглядело подозрительно просто. Один золотой равнялся ста серебряным монетам. Один серебряный — ста медным. Значит, один золотой стоил десять тысяч медных монет и примерно столько же спокойных ночей Мартина.

С мерами веса Империя поступила так же. Торговые весы размечали в килограммах, расстояния — в метрах и километрах. Названия звучали привычно, хотя я пока не знал, совпадали ли местные меры с земными до последнего грамма. Для хозяйственных расчётов совпадения хватало.

— В казне одиннадцать серебряных и тридцать семь медных, — продолжил он. — Две монеты из караульной удалось отделить от пола без дополнительных расходов.

— Уже достижение, — заметил я.

— Я внёс их в книгу отдельной строкой.

— Разумеется, — отозвался я.

На краю зрения открылось голубое окно.

[Проект владения – Проверка ресурсов] Цель: подтвердить ресурсы, доступные для сохранения платёжеспособности. Срок: 6 дней 19 часов. Получено сведений: замок – 34%; Рогачи – 0%; Каменцы – 0%; Пеньки – 0%. Достоверность общей оценки: 17%. Рекомендация: назначить ответственных; проверить расхождения; не учитывать неподтверждённые активы.

Система не знала, сколько у нас коров, зато уже уверенно сообщала, что мы почти ничего не знаем. В этом она быстро становилась похожа на хорошего аудитора.

— Кто прибыл из деревень? — спросил я.

— Староста Рогачей ждёт во дворе с сыном и двумя свидетелями, — ответил Грегор. — Из Каменцев гонец вернулся ночью. Люди из Пеньков ещё в пути.

— Почему староста не здесь?

— Корвин запретил пускать к вам толпу народа.

Лекарь только хмыкнул на это обвинение.

— Семь человек уже считаются толпой?

— Для человека, который едва встал с постели, — безусловно.

— Тогда перенесём стол во двор, — предложил я.

— Нет, там дождь и вас продует, — сразу отрезал Корвин.

— В большой зал? — предложил я.

— Там холодно, — возразил Корвин.

— В кухню? — не сдался я.

Корвин посмотрел на меня так, словно пытался понять, шучу я или болезнь всё-таки дала осложнение.

— Милорд, на кухне готовят.

— Значит, там тепло, есть стол и никто из спорщиков не останется голодным. По-моему, идеальное место для совета.

Эдмунд невозмутимо вмешался:

— Я размещу всех в бывшей караульной у внутреннего двора. Там есть очаг, длинный стол и только один выход. Последнее сегодня представляется достоинством.

Корвин посмотрел на меня.

— Вы будете сидеть.

— Обещаю сидеть при каждой возможности.

— Это не то же самое, — заметил Корвин.

— Зато выполнимо, — сказал я.

* * *

Староста Рогачей вошёл в караульную так, словно ожидал увидеть сборщика налогов, палача и имперского ревизора, сидящих за одним столом.

Харн Беккет был невысоким, плотным мужчиной за пятьдесят. Седая борода топорщилась в разные стороны, на мокрых сапогах налипла глина. За ним стоял широкоплечий парень лет двадцати — его сын Берн и двое крестьян постарше.

Берн нёс четыре листа бумаги. Держал обеими руками, не сгибая, будто любое лишнее движение могло изменить записанные числа.

Харн поклонился.

— Милорд.

— Проходите. Садитесь.

Он посмотрел на скамью, потом на меня.

— Постою.

— Как хотите. Но разговор будет долгим.

Староста всё же сел.

Берн положил листы перед Мартином. Строки были написаны крупно, с нажимом. Жители, дворы, коровы, овцы, козы, зерно, сено, выделанные кожи. Возле одних чисел стояло «пересчитано вчера», возле других честное «требуется пересчёт».

— Кто записывал? — спросил Мартин.

— Я, господин казначей, — ответил Берн.

— Кто проверял?

Парень показал на двух крестьян.

— Гел и старый Торм. При них считали.

— Старый? — тихо возмутился один из свидетелей. — Я твоего отца на руках носил! Имей уважение.

— Потому и старый. — Так же тихо ответил ему Берн.

Харн тяжело посмотрел на сына.

— Числа, — напомнил Мартин. — Личные отношения обсудите потом и не здесь.

Он провёл пальцем по первому листу.

Мартин провёл пальцем по первой строке.

— Пятьдесят восемь дворов. Жилых — пятьдесят два. Весной было пятьдесят четыре.

Харн нахмурился.

— У Крама сгорела крыша. Семья теперь ютится у брата. Элс ушёл на восток, его дом пустует.

Казначей не выразил ни сочувствия, ни сомнения. Только переместил палец ниже.

— Тогда объясните скот. В прошлой записи сорок семь коров, сейчас сорок одна.

— Две пали после отёла, одну зарезали летом. — Староста загнул три толстых пальца. — Ещё трёх продали. Без соли и железа коровы всё равно долго не протянут.

Последнюю фразу он произнёс жёстче, чем требовал простой отчёт. Каждая пропавшая корова уже имела причину, и Харн явно пришёл защищать не цифры.

Мартин задавал вопросы быстро. Харн отвечал ещё быстрее. Там, где староста не помнил, Берн находил отметку. Свидетели подтверждали пересчёт, иногда спорили о козе, принадлежавшей сразу двум дворам, и о тёлке, которую один хозяин считал коровой, а Мартин преждевременным оптимизмом.

Система молчала.

Она не могла посмотреть на четыре листа и объявить их истиной. Зато по мере сверки возле строк появлялись серые отметки. «Подтверждено двумя свидетелями». «Совпадает с предыдущей записью». «Требуется осмотр».

— Сено, — сказал Мартин. — Здесь указано на девять возов больше, чем ожидалось после летней засухи.

Харн положил обе руки на колени.

— С дальнего луга не вывезли в замок.

— Почему?

— Потому что в прошлом году половина сгнила под вашей стеной, пока решали, кому чинить навес.

Грегор не изменился в лице.

— Навес должны были закончить до осенних дождей.

— Должны были, — согласился Харн. — Мы сложили сено в старой овчарне. Крышу залатали сами. Корм сухой.

— Вы скрыли часть сбора? — уточнил Мартин.

Свидетели напряглись. Берн прижал ладони к краю стола.

Харн посмотрел не на казначея, а на меня.

— Уберёг корм деревни. Если это теперь называется кражей, приказывайте связать.

Вот и причина, по которой он привёл свидетелей. Не ради точности. Ради защиты.

Я посмотрел на Грегора.

— Сено входило в обязательный сбор?

— Треть дальнего покоса полагалась замку, — ответил он. — Но за последние два года мы забирали только по необходимости. Письменного освобождения нет.

— Необходимость наступила?

— В замке осталось шесть лошадей. Им хватит нашего запаса почти на полный месяц. В Рогачах сорок одна корова, семнадцать волов и молодняк.

Решение получилось проще, чем ожидал Харн.

— Сено остаётся в Рогачах. Мартин отмечает его как резерв корма, а не как недоимку. Без моего отдельного распоряжения не трогать.

Староста прищурился.

— А весной не скажете, что мы дважды задолжали?

— Для этого ваш сын написал четыре листа, двое людей пришли свидетелями, а Мартин сейчас поставит запись в книгу.

Казначей уже делал пометки.

— Поставлю номер, дату и две подписи, — сказал он. — Если кто-то потребует этот сбор второй раз, сначала ему придётся объяснить, на каком основании.

Харн посмотрел на худого Мартина и явно не впечатлился.

— Не советую его недооценивать, — сказал я. — Он способен три часа выяснять судьбу одной медной монеты.

— Четыре, — невозмутимо поправил Грегор. — Я присутствовал.

Мартин поднял голову от книги:

— В тот раз не сходились две монеты.

Шутка удалась, Харн все же проникся.

Система обновила сведения по Рогачам до сорока трёх процентов. Рядом с кормом появилась зелёная отметка: «Подтверждено».

Мартин перешёл к зерну и почти сразу остановился.

— Здесь ошибка.

Харн нахмурился.

— Где? — спросил Харн.

— Два месяца назад Рогачи передали замку тридцать три мешка зерна. В замковой книге поступления нет.

Берн быстро наклонился к листу.

— Не ошибка. Мы вычли их из деревенского запаса.

— А замок их не принял, — возразил Мартин.

— Принял баронский приказ, — ответил Берн.

— Приказ нельзя молотить и есть, — сказал Мартин. — Где мешки?

Комната снова напряглась. Только теперь Харн выглядел не сердитым, а осторожным.

Я мог потребовать ответ. Мог напомнить о власти барона и вооружённых людях за дверью. Правда, вооружённым из них был только Эдмунд, но староста этого не знал.

Вместо этого я положил рядом две книги — замковую и привезённые листы.

— Берн, расскажи с самого начала. Не по книге. Как всё было?

Парень бросил быстрый взгляд на отца. Харн едва заметно кивнул.

— Из Рогачей вышли шесть телег. Я ехал на первой.

— До замка не добрались.

— Нет, милорд. У старого склада возле Северного моста нас уже ждал ваш приказ.

Он произнёс «ваш» и тут же опустил глаза. Для него приказ отдавал Адриан, сидевший сейчас перед ним.

— Покажи.

Харн полез за пазуху и достал сложенный лист, перевязанный выцветшей нитью.

— Потому что получили это.

Мартин взял бумагу и развернул. Внизу стояла печать Адриана.

Прикосновение гербового перстня вызвало короткую строку Системы: «Подлинность печати владельца подтверждена».

Приказ был составлен за девять дней до последней лихорадки Адриана. До ремонта главного амбара зерно следовало оставить на дорожном складе, опечатать помещение и не включать мешки в замковую ведомость до фактической приёмки. Получить запас мог только барон, управляющий или казначей.

Ни один не приехал.

Адриан заболел. Грегор занимался гарнизоном и долгами. Мартин считал, что зерно осталось в Рогачах. Рогачи были уверены, что исполнили приказ.

Тридцать три мешка два месяца ждали, пока кто-нибудь сопоставит две записи.

Перед глазами раскрылось уведомление.

[Выявлено расхождение – Зерновой запас] Количество: 33 мешка. Запись Рогачей: передано на временное хранение. Запись замка: поступление не подтверждено. Подтверждённая причина: распоряжение владельца не исполнено до завершения. Рекомендация: осмотреть место хранения; проверить состояние зерна; завершить приёмку.

— Почему вы не напомнили? — спросил Грегор.

Харн усмехнулся без веселья.

— Напоминал. Дважды присылал Берна. Первый раз его отправили к писцу, второй — писца уже не было. Потом милорд слёг, солдаты ушли, а мы решили, что зерно безопаснее там, где лежит.

— Склад цел? — спросил я.

— Вчера был цел.

— Вчера? — переспросил я.

— Я проверяю его каждое утро, — ответил Харн.

Мартин закрыл глаза и медленно выдохнул.

— Тридцать три мешка зерна два месяца лежат в старом складе, а в книгах их не существует.

— Теперь существуют, — сказал я.

— Только после пересчёта.

— Тогда идём считать, — решил я.

Корвин, до этого стоявший у очага, шагнул вперёд.

— Нет, — отрезал Корвин.

— Склад у моста. Это недалеко, — возразил я.

— Для человека, который только недавно начал вставать с постели, любое «недалеко» заканчивается новым обмороком. Также не забывайте, в каком состоянии вас нашли у подземной лестницы.

— Хорошо, я поеду на телеге, — предложил я.

— Телега тряётся, — напомнил Корвин.

— Очень медленно поеду на телеге, — пообещал я.

— От этого она не перестанет трястись, — не уступил лекарь.

Эдмунд посмотрел на Харна:

— В Рогачах есть повозка с рессорами?

Староста недоверчиво покосился на него.

— Есть одна, но она старая. Мы на ней навоз возим.

— Сегодня её назначение станет торжественнее.

Корвин сдался не сразу. В итоге он разрешил поездку при трёх условиях: я не слезаю без его помощи, не поднимаю мешки и возвращаюсь при первом признаке слабости.

Я согласился.

Мешки всё равно собирался поднимать не я.

* * *

Северный мост оказался гораздо хуже, чем на схеме Системы.

Он пересекал широкую, быструю реку в четверти часа езды от замка. Дождь закончился, но вода поднялась почти до нижних балок и тащила ветки, пену и куски прошлогоднего камыша. Каменные опоры почернели от сырости. Средний пролёт заметно просел, а настил у северного берега выгнулся дугой.

Старая повозка с рессорами действительно существовала. Рессоры тоже существовали, но, похоже, не общались с колёсами. К складу я приехал с твёрдым намерением никогда больше не спорить с Корвином на неровной дороге.

Дорожный склад стоял южнее моста. Низкое каменное здание с двускатной крышей когда-то использовали для хранения резервного зерна и грузов, ожидавших перевозки. Теперь одна ставня висела на петле, дверь посерела, но замок был цел.

Харн показал печать на шнуре. Воск не повреждён.

Эдмунд первым обошёл здание, проверил окно и следы у стены. Только после этого позволил открыть дверь.

Внутри пахло сухой пылью, деревом и зерном.

Тридцать три мешка лежали на поддонах в три ряда, не касаясь сырой земли. Возле стены стояло ведро с золой от грызунов. Крыша протекала в дальнем углу, но вода не дошла до запаса.

Мартин начал считать.

— Один, два, три...

— Их тридцать три, — сказал Харн.

— Уважаемый Харн, не могли бы вы не мешать мне проводить проверку? — попросил Мартин, не прекращая счёт.

Староста сконфуженно отступил, давая Мартину возможность закончить с подсчетом.

Мы проверили каждый мешок. В одном завелись жуки, но зерно ещё можно было просеять. Ещё два мешка, лежавшие ближе к протекающему углу крыши, требовали просушки. Остальные мешки сохранились даже лучше, чем запас в замковом амбаре.

Система завершила оценку после того, как Мартин поставил последнюю отметку.

[Ресурс подтверждён — Зерно] Обнаружено: 33 мешка. Пригодно к хранению: 30 мешков. Требуется просушка и очистка: 3 мешка. Безвозвратные потери: 0 мешков. Оценочная продовольственная устойчивость владения: +6 дней. Рекомендация: переместить пригодный запас; обработать повреждённое зерно в течение 24 часов.

Шесть дней.

Не богатство. Не спасение от долга. Но шесть дней для людей, которые вчера могли потратить половину всего зерна.

— Перевезём всё в замок? — спросил Грегор.

Я посмотрел на дорогу. На просевший мост. На повреждённый амбар, которого отсюда не было видно, но о котором напоминала Система.

— Три мешка на просушку в Рогачи. Десять в малый склад замка. Остальные пока оставить здесь под новой печатью.

Мартин поднял голову.

— Почему не принять всё?

— Потому что главный амбар закрыт, конюшня занята вчерашним запасом, а складывать всё зерно под одной дырявой крышей — плохой способ упростить учёт.

Харн медленно кивнул.

— Разумно.

Первое одобрение старосты прозвучало так, словно он выдал мне заём под высокий процент.

— И ещё, — сказал я. — С сегодняшнего дня Рогачи передают отчёт раз в семь дней. По одному листу, в котором должны быть учтены: люди и дворы; зерно и корм; скот; работы и срочные проблемы. Возле каждой цифры пишете, когда её проверяли.

Берн заметно побледнел.

— Каждую неделю?

— Первые четыре недели. Потом посмотрим, — ответил я.

— Бумаги уйдёт много, — предупредил Мартин.

— Сколько стоят четыре листа? — спросил я.

— Если использовать обе стороны, две медные монеты, — подсчитал Мартин.

— Переживём, — решил я.

Казначей ничего не ответил. Видимо, не хотел давать обещаний без расчёта.

— Это новый налог? — спросил Харн.

— Нет. Это способ не искать ещё тридцать три мешка два месяца.

— А если цифры изменятся?

— Для этого требуется писать дату. Мне не нужны красивые отчёты. Мне нужны такие данные от вас, после которых я понимаю, что делать.

Староста посмотрел на сына.

— Слышал?

— Слышал.

— Пиши мельче.

Пока Мартин оформлял приёмку, я подошёл к дверям склада. Корвин немедленно оказался рядом, но запрещать смотреть на мост даже он не стал.

Система наложила на камень и дерево прозрачную схему. Северная опора горела жёлтым. Внутри неё проходила тонкая синяя линия, исчезающая под водой. Таких линий я уже видел достаточно, чтобы не считать их обычной кладкой.

Я попытался открыть сведения.

«Объект находится вне подтверждённой области проекта. Требуется регистрация или обследование»

— Что там? — спросил Грегор.

— Пока не знаю. Но мост нам всё равно придётся проверять.

— Олвен говорил, что северная опора не выдержит тяжёлую телегу после следующего подъёма воды.

— Олвен?

— Плотник, который осматривал амбар. Он уехал к родственникам на юг две недели назад. Вернуться не обещал.

Значит, прежнего плотника в замке больше не было. Зато, по словам Грегора, в Рогачах жил Освин Ларк — мастер, которого вызывали на сложные работы, когда он соглашался разговаривать с заказчиком.

— Позовите Освина. И кузнеца.

— Вместе? — уточнил Харн.

— А что?

— Ничего, милорд. Только острые предметы из комнаты лучше убрать заранее.

* * *

Когда мы вернулись в замок, полдень уже миновал. Бывшая караульная окончательно превратилась в штаб бедствия.

На столе лежали отчёты Рогачей, рудничная ведомость из Каменцев, карта баронства, долговые книги и кусок хлеба, который Корвин безуспешно пытался заставить меня доест. У стены стояли Харн, Берн и гонец из Каменцев. Возле очага спорили двое мужчин.

Бран Торн, кузнец, был широк даже по меркам кузнеца. Рыжая борода закрывала половину кожного фартука, голос же был звонким басом, который отражался от стен комнаты. Освин Ларк оказался его полной противоположностью: высокий, сухой, с тёмными волосами и спокойным лицом человека, который заранее знает, где именно собеседник ошибся.

— Железо держит соединение, — говорил Бран.

— Если соединять нечего, железо может держать только твою уверенность, — отвечал Освин.

— Без скоб твои балки разойдутся при первой воде.

— Без балок твои скобы красиво утонут.

— Господа, — вмешался я.

Они одновременно повернулись.

— Мне сказали, вы можете оценить мост.

— Могу, — ответил Освин.

— Я уже оценил, — сказал Бран. — Плохой мост.

— Сначала разберёмся, какие у нас есть варианты, — сказал я. — У нас семь дней до нового этапа переговоров с Рейном. За это время нужно показать, что владение способно приносить доход.

Гонец из Каменцев положил на стол свою ведомость. Рудник оставался затопленным ниже второго яруса. Ручные насосы сгнили, водоотводная штольня забита. В поселении было двадцать шесть работников, но только восемь продолжали ломать камень в старой каменноломне. Остальные жили за счёт запасов семей и случайной работы.

— Если открыть водоотвод? — спросил я.

Бран почесал бороду.

— Нужны две цепи, новые ковши, крепёж и люди. Цепи сделаю за три дня, если найду железо.

— Железа нет, — сказал Мартин.

— В замке полно старого железа.

— Оно принадлежит воротам, телегам и крыше.

— Пока лежит кучей, оно принадлежит ржавчине.

— Сколько времени до первой руды? — спросил я.

Гонец ответил:

— Если штольня не обвалилась, неделя. Если обвалилась — никто не знает.

Неделя только на шанс увидеть руду. Потом её требовалось поднять, переработать и продать. Для долга через семь дней это было скорее обещанием, чем доходом.

— Малая мельница возле замка работает. Медленно: жернов треснул, привод изношен. Основная водяная мельница в Пеньках стоит с конца лета.

— Почему остановилась? — спросил я.

— Сломалась ось колеса, — ответил Освин. — Новую я вырезал в Рогачах, а Бран стянул её железными обручами. До Пеньков не доставили.

— Из-за моста?

— Да, уже тогда через него не рискнули вести гружёную телегу. На руках такую ось не унесёшь, а распилить её на части нельзя.

Бран нахмурился.

— Распилить можно.

— Тогда это будут две бесполезные половины оси, — невозмутимо пояснил Освин.

В этот момент дверь открылась, и Эдмунд впустил промокшего парня с перевязанной через плечо сумкой.

— Из Пеньков, — сообщил дворецкий.

Посланец снял шапку.

— Милорд, староста прислал ведомость. Дорогу у ручья размыло, лошадь пришлось оставить на той стороне.

— А мельница?

— Стоит. В лесу заготовлены двенадцать дубовых брёвен и смола. Вывезти их можно, если мост выдержит.

Освин повернулся к Брану.

— Вот видишь. Балки у нас есть.

Кузнец несколько секунд смотрел на него молча.

— На другой стороне ручья.

— Поэтому сначала нужно починить мост.

— Балками, которые лежат на другой стороне ручья.

— Теперь ты понимаешь всю сложность задачи, — невозмутимо заключил Освин.

Бран глубоко вдохнул и медленно выпустил воздух через нос:

— Милорд, разрешите мне один раз ударить плотника.

— После ремонта моста, — ответил я. — До этого нам нужны все рабочие руки. Сейчас каждый из вас отвечает на три вопроса. Что требуется? Сколько времени? Что мы получим? Без рассказа о том, кто виноват.

Освин начал с малой мельницы. Треснувший жернов можно временно стянуть железным обручем и выровнять. Два дня работы, четыре серебряные монеты на уголь, крепёж и помощь. Производительность вырастет примерно вдвое, но только до следующей серьёзной трещины.

Основную мельницу в Пеньках можно запустить за четыре или пять дней после доставки оси. Она молола бы зерно для всех трёх деревень и замка. Но до неё требовалось довести детали и открыть дорогу.

Бран оценил рудник в два золотых и сорок серебряных, если покупать всё необходимое. Если разбирать старые механизмы и перековывать железо, то дешевле, но дольше. Ни точного срока, ни гарантии первой добычи он не дал.

Мост они осматривали ещё в конце лета. Северная опора просела, две продольные балки сгнили возле креплений, часть настила требовала замены.

Материалы для капитального ремонта во владении имелись. В Пеньках хватало дуба, в Каменцах — камня. Только лес лежал по другую сторону повреждённого моста, а камень ещё предстояло добыть, обтесать и доставить по раскисшим дорогам. На всё это требовались люди, телеги, деньги и несколько недель.

— Временное усиление займёт четыре дня, — сказал Освин. — Снимем шесть дубовых брусев с северной казармы, старые ободы перекуем в скобы, а на мост пустим по одной телеге.

Я посмотрел на Грегора.

— Что останется от казармы?

Управляющий не торопился отвечать. Вместо него отозвался Освин:

— Она перестанет притворяться зданием.

— После ухода гарнизона там никто не живёт, — добавил Грегор, однако прозвучало это скорее как оправдание.

Бран перечислил уголь, гвозди, подковы для двух рабочих лошадей и оплату помощникам. Мартин уже считал расходы. Костяшки щёлкали всё медленнее.

— Девять серебряных, — наконец произнёс он. — Без учёта зерна и корма для людей и животных.

— Из одиннадцати, — уточнил я.

— Я надеялся, вы не станете произносить обе цифры рядом.

Система принимала сведения по мере того, как их подтверждали мастера и книги. Над картой проступили три линии. Одна вела к малой мельнице. Вторая к руднику. Третья проходила через мост и разветвлялась к Пенькам, лесу, водяной мельнице и северной дороге.

Перед глазами открылось окно.

[Совет по распределению ресурсов] *Расчёт построен на подтверждённых сведениях. Непроверенные обстоятельства не учтены. Казна: 11 серебряных; 37 медных. Дополнительный запас: 33 мешка зерна. Корм для тягловых животных: подтверждён на 9 дней работ. Доступные работники без остановки обязательных работ: 18. Вариант 1: временно восстановить малую мельницу. Срок: 2 дня. Ожидаемый результат: переработка зерна +87%; новые источники дохода не открываются. Вариант 2: укрепить северный мост. Срок: 4 дня. Ожидаемый результат: восстановление сообщения с Пеньками; доступ к лесу и основной мельнице. Риск срыва: 29%. Вариант 3: начать осушение рудника. Срок до первой оценки выработки: 6–9 дней. Вероятность получить товарную руду в течение 7 дней: 18%. Риск для работников: 34%. Оптимальный вариант: не определён. Рекомендация: выбрать приоритет владельца.*

Все ждали моего решения.

Система могла посчитать сроки и риски. Могла показать, какие объекты связаны между собой. Но выбрать, чем пожертвовать, она не могла.

Малая мельница давала быстрый и понятный результат. Через два дня мы помоли бы больше муки. Хорошая победа, которую можно показать людям и записать в отчёт.

Рудник был единственным объектом, способным когда-нибудь принести большие деньги. И самым удобным способом потратить последние средства на дыру, из которой ещё не достали ни куска руды.

Мост не давал дохода сам по себе. Зато без него Пеньки оставались почти отрезаны, основная мельница стояла, лес лежал бесполезными брёвнами.

— Чего не хватает для моста кроме девяти серебряных? — спросил я.

Освин начал загибать пальцы.

— Нужно восемь пар рабочих рук. Две телеги. Шесть брусьев из казармы. Железо. Сухая верёвка. Ну и чтобы Бран не менял размеры скоб после того, как я размечу крепления. Работы займут около четырёх дней.

— Я исправлял твои размеры, — возразил Бран.

— На два пальца, — напомнил Освин.

— Потому что у тебя пальцы как у писца, — огрызнулся кузнец.

— Хватит, — сказал я. — Рогачи дадут двух волов и корм. Из найденного зерна выделим восемь мешков на питание работников. Мартин выдаст шесть серебряных сейчас и ещё три после установки первой опоры. Брусья снимаем с казармы.

Мартин резко поднял голову.

— Шесть серебряных сразу? — переспросил Мартин.

— Не сразу. Под расписку, — успокоил я его.

— Это несколько лучше, — признал казначей.

— Мы ремонтируем мост, — продолжил я. — Не навсегда. До состояния, в котором через него проходит гружёная телега под контролем. После этого доставляем ось в Пеньки и запускаем основную мельницу.

Освин кивнул.

— Четыре дня, если опора внутри не разрушена.

— А если разрушена? — спросил я.

— Тогда мы узнаем это завтра и потеряем меньше, чем если узнаем под телегой.

— Милорд, что будем делать с рудником? — спросил гонец из Каменцев.

— Не бросаем. Пока составьте список того, что можно восстановить без покупки новых механизмов. К осушению вернёмся после обследования моста.

Харн провёл ладонью по бороде.

— Восемь мешков зерна — много.

— Поэтому три из них остаются оплатой за выполненные дни, пять идут на питание. Кто не вышел на работу, тот не получает долю. Учёт ведёт Берн вместе с Мартином.

— Я? — растерялся Берн.

— Ты умеешь писать цифры в нужном порядке, — напомнил я.

Грегор кашлянул.

— Иногда, — негромко уточнил Грегор.

— Ничего страшного, будет практика, — решил я.

Бран хмыкнул. Освин впервые улыбнулся.

Система зафиксировала решение.

[Проект владения создан — Северный мост] Цель: восстановить безопасный проезд одной гружёной телеги. Срок: 4 дня. Выделено: 9 серебряных; 8 мешков зерна; 6 дубовых брусьев; 2 подводы. Ответственные: Освин Ларк; Бран Торн. Ожидаемый результат: восстановление сообщения с Пеньками; доступ к лесу и основной мельнице. Риск срыва: 29%. Обязательное условие: обследовать северную опору до начала основных работ.

Девять из одиннадцати серебряных.

Восемь из найденных тридцати трёх мешков.

Казарма, которую после разборки уже не восстановить без нового леса.

Решение было принято. Если я ошибся, отменить его без потерь не получится.

Станным образом именно это принесло облегчение.

До сих пор проблемы Вельгора наваливались все сразу. Теперь хотя бы одна получила срок, ответственных и ресурсы.

— Начинайте обследование сегодня, — сказал я. — К основным работам приступайте с рассвета. Грегор, подготовьте распоряжение по людям и подводам. Мартин, отдельную ведомость расходов.

Я повернулся к Харну.

— Корм остаётся собственностью Рогачей. Замок учитывает его отдельно и после работ возмещает деревне стоимость.

— Письменно? — спросил староста.

— С номером, датой и двумя подписями, — ответил Мартин.

Харн подумал и кивнул.

Не доверился. Но согласился. Для первого разговора со старостой этого было достаточно.

* * *

Совет закончился только во второй половине дня. Корвин заставил меня съесть остывший обед и отдохнуть хотя бы четверть часа. После этого пришло время составлять ответ для графа — откладывать дольше было нельзя.

Мы составляли его втроём. Я диктовал. Мартин вычёркивал всё, что могло выглядеть признанием неплатёжеспособности. Грегор возвращал то, без чего письмо становилось вежливым набором пустых фраз.

— «Дом Вельгор не располагает средствами для немедленного исполнения обязательств», — прочитал Мартин. — Это признание.

— Это правда, — возразил я.

— Правда особенно опасна, когда под ней ставят печать, — заметил Мартин.

— Тогда пишите: «Проводится сверка заявленных обязательств и обеспечений».

— Уже лучше, — одобрил казначей.

Грегор указал на следующую строку.

— Нужно сообщить о попытке получить управление Каменцами без согласия сюзерена.

— «Представители дома Рейна представили грамоту, толкование которой допускает переход власти над поселением», — продиктовал я.

— И запросить подтверждение, что это требует решения графа, — добавил Мартин.

— Запросите, — согласился я.

В письмо вошли три факта. Долг оспаривается только в части суммы. Управление Каменцами не может быть передано без ведома Вальдена. Дом Вельгор начал восстановление северного моста и готов предоставить ревизору книги, проекты и подтверждённые отчёты.

Мы не просили денег. Не просили отменить проверку. Только фиксировали спор раньше, чем Рейн успеет изложить его в удобном для себя виде.

Я перечитал письмо ещё раз.

О пустой казне в нём не было ни слова. Разрушенный мост стал «объектом начатого восстановления», действия Рейна — «спорным толкованием условий обеспечения», а нехватка документов — «продолжающейся сверкой обязательств».

— Теперь звучит так, будто мы управляем ситуацией, — сказал я.

— Письма для этого и существуют, — ответил Мартин.

Я поставил подпись Адриана. Рука на мгновение замешкалась, но чужая память подсказала движение. Перстень оставил на воске башню над тремя линиями.

Грегор вызвал гонца.

— Через южную почтовую станцию письмо дойдёт до Вальдена за три дня, — сказал он.

— Если дорогу не размоет, — добавил Эдмунд.

— Если гонца не остановят люди Рейна, — сказал Мартин.

— Если лошадь не потеряет подкову, — продолжил Корвин.

Я посмотрел на них.

— У нас принято провожать письма перечислением способов, которыми они не дойдут?

— Нет, милорд, — ответил Эдмунд невозмутимо. — Обычно список длиннее.

Копию Мартин внёс в исходящую книгу. Оригинал убрали в кожаную сумку гонца. Эдмунд лично проводил его до южных ворот и приказал не останавливаться в Рогацах, где разместились люди Фалька.

Солнце клонилось к лесу, когда Освин и Бран отправились к мосту. За ними выехали две пустые подводы и четверо работников с верёвками, ломami и лопатами. Основные брусья собирались снять с казармы утром, после разметки.

Я стоял у окна малой столовой. Корвин разрешил только потому, что до кресла было два шага.

На схеме владения появилась тонкая линия проекта. Она тянулась от замка к северному мосту. Чем дальше удалялись люди, тем слабее становился голубой свет, пока почти не исчез у границы доступной области.

Потом линия вспыхнула.

Мост отозвался.

Не как обычное здание. Под северной опорой загорелся знак, повторявший рисунок родового перстня. От него в сторону Запретных земель уходил разорванный канал.

Система развернула окно.

[Обнаружен внешний узел — Северный мост] Статус: неактивен. Связь с главным узлом: 7%. Повреждения: северная опора; проводящий канал; защитная печать. Условие восстановления связи: укрепить опору; очистить узловой знак; подтвердить доступ владельца. Дополнительные данные: недоступны. Предупреждение: вмешательство без обследования может вызвать аварийный отклик.

Я перечитал последнюю строку.

У моста уже работали люди, уверенные, что ремонтируют старую переправу.

Система только что сообщила, что они собираются вскрыть часть древнего контура.

— Эдмунд! — позвал я.

Дворецкий появился в дверях почти сразу.

— Милорд?

— Догоните Освина и Брана. До моего приезда северную опору не трогать.

Я посмотрел на схему моста, на красную отметку повреждённой печати и на дорогу, уходившую за ворота.

Первые сутки в новом мире ещё не закончились, а я уже собирался нарушить все три обещания, данные лекарю.

Глава 4. Мост помнит

Корвин перехватил меня у лестницы.

Не загородил дорогу и не начал спорить. Просто взял меня за запястье, сосчитал пульс и потребовал:

— Посмотрите на меня.

— Смотрю.

— Одним глазом или двумя?

— Пока двумя.

Лекарь не улыбнулся, но руку отпустил.

Из коридора вышел Эдмунд. На одной руке у дворецкого висел мой плащ, в другой он держал дорожный фонарь.

— Освин и Бран остановили работы, милорд, — сообщил он. — К северной опоре никого не подпускают. Грегор уже там.

— Значит, наша главная задача — добраться до моста раньше, чем кузнец решит, что его запрет не касается.

— Бран не станет трогать опору без вашего разрешения, — заверил Эдмунд.

— Это очень хорошо.

— Он будет трогать Освина.

— Тогда нам точно пора.

Корвин перевёл взгляд с дворецкого на меня и проговорил так, что спорить с ним совсем не хотелось:

— Повозка. Спина на валике. У моста вы не таскаете брёвна, не лезете в реку и не доказываете камню, кто из вас барон.

— Договорились.

— И возвращаетесь через час.

— Через два.

— Через час, — повторил Корвин. — Если вы упадёте в обморок, Эдмунд привезёт вас раньше.

— А если не упаду?

— Всё равно привезёт.

На этом лекарь развернулся и ушёл в сторону кухни. Не поехал с нами. Не велел обернуть меня одеялом. Просто поставил условия и вернулся к своим делам.

Видимо, начал привыкать, что пациент не собирается лежать мирно.

Теперь оставалось научиться не давать ему новых поводов для привыкания.

* * *

Дождь прекратился, но дорога к мосту ещё блестела водой. Старая повозка кренилась в колеях, а Эдмунд сидел напротив и следил, чтобы я не вздумал свалиться между сиденьем и бортом.

У реки было темнее, чем у замка. Фонари выхватывали из сумерек две подводы, сложенные на настиле инструменты и четверых работников, которые держались подальше от северной опоры.

Грегор подошёл к повозке первым.

— Ничего не трогали, милорд. Освин успел только огородить спуск к опоре.

Освин ждал у края настила. В руках плотник держал верёвку с грузиком; от промокшего рукава пахло речной водой.

— Северная опора просела на три пальца, — сказал Освин. — С верхней стороны на камне вырезан узор. Часть уходит под старую скобу.

Бран стоял в двух шагах от него. Кузнец держал лом поперёк груди и всем видом показывал, что запрет этот считает личным оскорблением.

— Я хотел только убрать скобу, — пробасил он. — Она всё равно держится на ржавчине.

— А я хотел сначала понять, зачем её поставили именно там, — ответил Освин. — Поэтому мы оба стоим и ждём.

— Иногда здравый смысл всё-таки побеждает, — заметил я.

— При двух свидетелях — да, — уточнил Грегор.

Пеших мост ещё держал. Эдмунд перешёл первым, проверяя настил тростью. Я двинулся за ним неспешно, не пытаясь скрыть, как тянет бок после каждого неудачного шага.

Над тёмной водой скрипели доски. В щелях мелькала белая пена. Я не торопился и всё равно выдохнул только на дальнем берегу.

К самой опоре спускался береговой склон. Лестница на нём была короткой, но скользкой. Я дошёл до нижней площадки, опираясь на перила, и остановился в шаге от кладки.

Фонарь показал трещину, старые скобы и узор, почти скрытый под мхом.

Башня над тремя расходящимися линиями.

Та же башня, что стояла на моём перстне.

Только здесь она была заключена в два кольца мелких знаков. Одна из трёх линий была перебита трещиной. Вторая уходила под воду. Третья терялась под железом.

Перстень на моей руке нагрелся, а система развернула окно.

[Обследование внешнего узла] Объект: Северный мост. Тип: пограничный связующий узел. Назначение: передача сигнала; контроль нагрузки; поддержание защитного контура. Ядро узла: целостность 68%. Защитная печать: повреждена. Проводящий канал: разрыв в 2 участках. Связь с главным узлом: 7%. Опасность аварийного отклика возникает при: — разрушении камня-носителя; — нагреве проводящего состава; — ударной нагрузке по внутреннему кольцу. Допустимо: очистка водой и деревом; внешнее усиление опоры; подтверждение доступа владельца. Рекомендация: изменить схему крепления, исключив давление на узловый камень.

— Снимать скобу нельзя, — сказал я. — Камень под ней является частью древнего механизма. Если ударить по рисунку, то последствия могут быть самыми неожиданными.

— Значит, обходим камень рамой, — сказал Освин. — Две стойки по краям, поперечина выше рисунка и косые упоры в берег.

Бран подошёл к кладке и постучал рукоятью молотка по обычному соседнему блоку.

— Раму выдавит льдом.

— До льда её заменят на постоянную.

— То есть никогда.

— До льда почти два месяца.

— Для нас это почти никогда.

— Обождите, — вмешался я. — По старой схеме сколько скоб?

— Двенадцать, — ответил Освин.

— Я мог начать ещё сегодня, — вмешался Бран.

Плотник повернулся к нему.

— Два часа назад ты уехал осматривать мост. Где именно ты собирался ковать?

— Я говорю, что мог.

— А я говорю, что не успел.

— По новой схеме? — перебил я, пока обсуждение не перешло к устройству кузницы на колёсах.

Мастера снова посмотрели на опору. Освин провёл пальцем по верхней грани кладки. Бран отмерил расстояние между стойками локтем и выругался, когда рукав коснулся мокрого камня.

— Восемь. Две большие сверху, по три на боковые стойки. И ещё понадобятся два коротких упора.

— Значит, ковать нужно на четыре меньше, — подвёл я итог.

— Железа в ободах всё равно на двенадцать, — заметил Бран.

— Но ковать придётся восемь, — сказал Освин. — А остальное железо не исчезнет.

Бран открыл рот, собираясь возразить, но передумал. Даже он не сумел объяснить, чем четыре невыкованные скобы хуже двенадцати выкованных.

Система подтвердила расчёт почти сразу.

[Схема временного усиления скорректирована] Требуется: 8 железных скоб; 2 коротких упора; 6 деревянных клиньев. Расчётный срок: 4 дня. Вероятность безопасного проезда одной гружёной телеги: 83%. Ограничение: не более одной телеги на пролёте; проверка креплений после каждого пятого проезда.

— Вот теперь можно работать, — сказал Освин.

— Мы и до этого могли, — пробурчал Бран.

— До этого мы могли сломать мост быстрее, — ответил плотник.

С этим возразить было трудно.

Я посмотрел на знак.

— Осталось подтвердить доступ владельца.

— Вам нужно что-то сделать? — спросил Грегор.

— Коснуться печати перстнем.

— И что произойдёт?

— Точно не знаю. Поэтому и проверяем.

Грегор помолчал.

— Я начинаю понимать доктора.

Подтверждение доступа не требовало резерва. Только прикосновения перстнем и «кратковременной обратной связи».

Я прижал перстень к вершине вырезанной башни.

Свет пробежал по внутреннему кольцу, споткнулся на трещине и нырнул под воду. Река на мгновение озарилась изнутри.

Структура моста раскрылась передо мной. Я видел не доски и камни, а схему: нагрузку на опоры, давление тёмной воды, две уцелевшие связи северного пролёта и старое железо, установленное точно между проводящими линиями.

На камне ещё светилась верхняя линия герба. Потом погасла и она.

[Доступ владельца подтверждён] Внешний узел: Северный мост. Статус: ограниченная готовность. Владелец: Адриан Вельгор. Доступно: контроль состояния; наблюдение за проектом; сверка материалов контура. Полная активация невозможна до укрепления северной опоры.

— Старые скобы кто ставил? — спросил я.

Бран наклонился к железу.

— Мой отец устанавливал. Почти двадцать лет назад, по приказу вашего отца.

— Он знал, куда их ставить?

— Да. Ваш отец сам отмечал мелом. Велел не касаться рисунка и трижды проверил каждое место.

— Объяснил почему?

— Сказал, так велит семейная запись. Нам её не показывал.

Я посмотрел на старые скобы. На камне сохранились бледные меловые риски.

Мой отец не знал, что именно удерживает эта печать. Но знал, как не разрушить её окончательно.

Значит, они не смотрели, как баронство разваливается. Они удерживали то, что ещё могли удержать, пока болезнь забирала у них силы.

Ненадолго.

Но достаточно, чтобы у меня сейчас был шанс.

— Работаем по новой схеме, — сказал я. — Знак чистить только водой и деревянными лопатками. Железо к внутреннему кольцу не подносить. При любом свете, тепле или шуме работы остановить.

— А если Освин с Браном внезапно согласятся друг с другом? — спросил Грегор.

— Тоже остановить. Это будет самый надёжный признак.

Бран посмотрел на Освина.

— Не дождётесь.

Над рекой прокатился смех.

Не громкий. Люди всё ещё косились на печать и боялись подходить ближе.

Но напряжение отпустило.

Первый вопрос был решён. Мост не нужно было взламывать. Его нужно было долечить.

А потом — понять, что он помнит.

* * *

Мост забрал четыре дня.

На первый день сняли шесть дубовых брусьев с пустующей северной казармы. Тридцать шесть целых гвоздей вытащили, разогнули и тоже вернули в работу. Мартин потребовал внести в книгу даже кривые.

— Их нельзя использовать, — сказал Бран.

— Но их можно перековать, — ответил казначей. — Вы можете не любить цифры, мастер Бран, но они не перестают существовать от вашего отношения.

— Железо тоже, — буркнул кузнец.

К полудню брусья доставили к реке. Один оказался сгнившим изнутри возле торца. Система показала дефект до того, как брус успели поставить под нагрузку. Освин заменил его двумя короткими балками из дорожного склада, а Бран после этого четыре часа доказывал, что предупреждал о гнили ещё во дворе.

К вечеру того же дня в Рогачах закончили просушку и очистку трёх отсыревших мешков из дорожного склада. После повторной проверки Мартин внёс их в учётный запас.

На второй день опору обвели деревянной рамой. Бран закрепил её восемью скобами. Дважды поднималась вода, и работникам приходилось вычерпывать грязь вёдрами. К вечеру Система показала, что нагрузка ушла с повреждённого камня на боковые стойки.

Перед тем как покинуть замок, мастер Гервин внёс найденные у людей Фалька вещи и показания задержанных в протокол. На третье утро законный срок задержания истёк, и Эдмунд передал обоим Фальку в Рогачах под расписку. Карта замка, восковой слепок ключа и оружие остались у нас, опечатанные как доказательства.

На третий день пошёл мелкий дождь. Работы не остановились. Освин заменил нижние клинья на более толстые и закрыл их просмолёнными прокладками. Мартин в этот день дважды пересчитал расходы и трижды уточнил, точно ли в ведомости записано «восемь скоб», а не «двенадцать».

В остальное время мы с ним искали способ закрыть расписки.

Три копии грамот лежали на столе в бывшей караульной. Рядом с ними Мартин разложил книгу платежей, расчёт дома Рейна и чистый лист.

Чистый лист пустовал дольше остальных документов.

— Сколько принесёт мельница за два дня? — спросил я.

Мартин начал загибать пальцы.

— Если новая ось подойдёт. Если жёрнова уцелели. Если мельник не найдёт ещё две полумки. Если жители сразу повезут зерно...

— Допустим, все наши если внезапно начали работать на нас. Сколько?

— Если всё сработает, мельница принесёт около двадцати серебряных до конца срока.

— Этого мало. Остаётся лес.

— Остаётся, — согласился Мартин. — Двенадцать готовых брёвен стоят дороже, чем даст мельница. Только они лежат в Пенях, покупателя нет, а обещания в казну не положишь.

Я перевёл взгляд на отметку Каменцев.

Казначей проследил за ним и помрачнел.

— Рудник затоплен, милорд. Даже если вода исчезнет прямо сейчас, к завтрашнему утру гора не выдаст нам руду из благодарности.

Я откинулся на спинку кресла. Бок ещё тянуло, но уже не захватывало дыхание при каждом движении.

— Итог?

Мартин сложил пальцы.

— К концу отсрочки у нас будет мост, мельница и две серебряные тридцать семь медных в казне.

— Десять золотых восемьдесят четыре серебряные против двух серебряных тридцати семи медных. Теперь я оскорблён точно.

— Есть хорошая новость, — сказал казначей.

— Не пугайте меня.

— Долг можно погасить не только монетой.

Он подвинул ко мне первую грамоту и указал на строку мелких букв над печатью.

— По обычаю пограничных округов досрочное исполнение допускается монетой или ликвидным товаром. Цена — по последней зарегистрированной сделке в округе или по заключению двух присяжных оценщиков.

— Во всех трёх?

Мартин проверил две оставшиеся копии.

— Да. Во второй грамоте есть приписка о зерне и коже, но она не заверена отдельной печатью. Рейн может сослаться на неё, но обычай округа она не отменяет.

— Фальк может просто отказаться от товара.

— Может, — согласился Мартин. — Тогда мастер Гервин примет имущество на нотариальное хранение. Вес, проба, оценка, полная опись. Если мы предложили надлежащее исполнение в срок, задержка становится проблемой кредитора. До решения суда залог не тронут.

Я посмотрел на пустую строку в расчёте.

— Значит, нужно найти товар на десять золотых восемьдесят четыре серебряные.

Перо Мартина зависло над бумагой.

— На одиннадцать золотых восемьдесят две серебряные. Иначе спорные девяносто восемь дадут Фальку повод потребовать залог.

— Если внесём их, не получится, что мы признали весь долг?

— Нет. — Казначей сразу придвинул чистый лист. — Напишем: «Передано на хранение без признания обязательства». Эту строку я проверю трижды.

Я посмотрел на чистый лист.

— Пишите: «Досрочное исполнение».

Мартин обмакнул перо в чернила.

— Вы разрешили первый вопрос, милорд.

— Какой?

— Как именно мы отдадим то, чего у нас нет.

На листе появились четыре строки: товар, проба и оценка, передача нотариусу, погашение подлинников.

План был безупречен.

Если не считать отсутствия товара.

Я попытался задать Системе поиск по всему владению. Голубой текст возник через несколько секунд.

[Запрос на оценку ресурсов] Цель: получить не менее 11 золотых 82 серебряных в денежном или товарном эквиваленте. Доступная подтверждённая область владения: 18%. Результат: достоверная оценка невозможна. Причина: внешние узлы неактивны; сведения о Каменцах и Пеньках неполны. Рекомендация: завершить восстановление Северного моста; повторить запрос после расширения доступной области.

Мартин заметил, что я слишком долго смотрю в одну точку над столом.

— Вы что-то нашли, милорд?

— Пока только понял, что мы слишком мало знаем о собственном баронстве.

Казначей посмотрел на пустую строку «товар».

— Для этого мне не нужно столько времени, — заметил он.

На этом третий день закончился.
На четвёртый мост должен был дать ответ.

* * *

К испытанию пустой телегой Освин приступил сразу после рассвета. Она трижды пересекла мост в обе стороны, после чего мастера ещё раз проверили клинья, скобы и настил.

К полудню на южный берег подвели телегу с новой мельничной осью. Сверху уложили мешки с песком, доведя вес до расчётного предела. Два вола стояли перед настилом и относились к замыслу с заметным недоверием.

Пять дней назад я не мог без чужой помощи дойти от кровати до двери. Сейчас сам спустился к реке и всё утро провёл на ногах. Тело отвечало на это тупой болью в боку и тяжестью в ногах, но дыхание уже не сбивалось на каждом шаге.

Корвин утром осмотрел меня, признал улучшение и впервые не сопровождал ни меня, ни моё здоровье до самого моста. Для полного счастья мне не хватало только сил на бег.

Я остался на южном берегу, рядом с Грегором и Мартином. Бран перешёл на северную сторону, чтобы следить за рамой. Освин встал у въезда на мост и держал поднятую руку.

Он обернулся к работнику, который держал волов под уздцы.

— Поведёшь сам, — сказал плотник. — Не торопи. Если крикну «стой» — тяни левого за повод и не двигайся, пока не скажу.

Работник кивнул и перешел к головам волов.

Пустую телегу уже гоняли утром. Теперь настала очередь проверить мост под расчётным грузом.

Освин опустил руку.

Телега медленно въехала на первый пролёт.

Дерево заскрипело.

Люди на обоих берегах замолчали. Даже Бран перестал объяснять кому-то из работников, почему скоба держится не хуже балки.

На схеме Системы нагрузка двигалась по мосту широкой жёлтой полосой. Первая опора приняла вес. Затем средняя. Новые упоры оставались зелёными.

Телега достигла северного пролёта.

Одна точка на левой стойке стала оранжевой.

— Стой! — крикнул я.

Работник потянул левый повод. Волы остановились, задний мешок качнулся на борту.

Бран и Освин двинулись к опоре одновременно. Кузнец оказался ближе и первым опустился к нижней стойке.

— Левый косой упор, нижний клин! — крикнул я им.

Бран провёл ладонью по краю клина.

— Вышел на палец, — сказал кузнец. — Прокладку продавило.

— Разгружать? — спросил у меня Грегор.

Система показала, как вес распределился по остальным креплениям. Два из них стали жёлтыми, но оставались в допуске.

— Нет, пока держит, — ответил я управляющему. — Подбить этот клин и поставить второй рядом.

Бран протянул руку. Работник на берегу подал ему молот и новый клин. Освин удерживал дерево, а кузнец бил коротко и точно.

После третьего удара оранжевая точка стала жёлтой. После пятого — зелёной.

— Продолжайте! — сказал я.

Работник тронул волов. Колёса перекатались через стык настила.

Когда задние колёса сошли на северный берег, люди не закричали. Несколько секунд они просто смотрели на мост, словно ждали, что он всё-таки передумает и рухнет.

Первым выдохнул Харн.

— Выдержал.

— Один проезд, — напомнил Освин.

Бран выпрямился у опоры.

— Зато с грузом.

— После того как вылез клин.

— Который я поставил обратно.

Грегор покосился на меня.

— Мост закончился. Они снова спорят друг с другом.

На долгий ответ времени не было. Под северной опорой загорелась печать.

Голубой свет поднялся из-под воды и прошёл по мосту. На мгновение стали видны тонкие линии в камне и дереве. Свет обогнул новые упоры, прошёл между восемью скобами и собрался в тонкую полосу посередине настила.

Волю замычали и попятись. Жители Пеньков отступили от телеги. Бран остался у опоры и смотрел на светящуюся кладку, забыв о молоте в руке.

На схеме владения линия от замка достигла моста и пересекла реку. За северным берегом одна за другой проявились крыши и дворы Пеньков, ручей за деревней и дорога, уходившая к лесу. Чуть восточнее проступили контуры водяной мельницы.

От моста ещё одна линия ушла на юго-восток. Она не повторяла ни одну дорогу, а шла под склонами, пересекала лощины и заканчивалась у Каменцев.

Система тут же отреагировала, развернув два окна.

[Проект владения завершён — Северный мост] Цель достигнута: безопасный проезд одной гружёной телеги восстановлен. Расход: 9 серебряных; 8 мешков зерна; 6 дубовых брусев; 2 подводы. Ограничение: одна телега на пролёте; повторный осмотр после каждых 5 проездов. Следующий этап: капитальное восстановление северной опоры.

[Внешний узел активирован — Северный мост] Связь с главным узлом: увеличена с 7% до 31%. Активные внешние узлы: 1 из 11. Доступная область владения: увеличена с 18% до 34%. Открыты функции: — наблюдение за объектами в зоне узла; — уточнение маршрутов; — сверка материалов древнего контура; — восстановление резерва в размере 3 единиц каждые 24 часа. Текущий резерв: 1 из 100. Первое пополнение: через 24 часа стабильной работы. Обнаружено: совпадение материала проводящего канала с неподтверждённым ресурсом в районе Каменцев. Рекомендация: провести сверку образа.

Из-за спины прозвучал голос:

«Связь с внешним узлом установлена. Советующий модуль Веста переведён в активный режим»

Голос был женским. Спокойным. И настолько ясным, словно его владелица стояла в двух шагах от меня.

Я резко обернулся.

За спиной стоял только Мартин. Казначей вздрогнул и чуть не выронил папку с ведомостями.

— Что-то не так, милорд?

— Нет. Показалось, что кто-то меня окликнул.

Мартин оглянулся на людей у моста.

— Не я.

— Уже понял.

Казначей вернулся к своим бумагам.

«Канал связи доступен только владельцу», — сообщила незнакомка.

Я отвернулся к реке. На обоих берегах снова заговорили. Освин объяснял мельнику, как проверить колесо перед установкой оси. Бран собирал инструменты. Никто больше не смотрел на меня.

«Кто вы?» — спросил я мысленно.

«Веста – советующий модуль».

«Почему вы не говорили раньше?»

«Для активации голосового канала требуются два связанных узла. Главный узел под замком и Северный мост теперь образуют минимальную сеть»

«Что вы умеете?»

«Я могу объяснять доступные функции, сопоставлять зарегистрированные данные, предлагать варианты действий и исследовать состояние объектов внутри связанного контура. События, не зарегистрированные активными узлами, и личности без действующей метки доступа мне недоступны. Архив владения открыт на двенадцать процентов».

Это объясняло многое. Система хорошо видела то, что происходило сейчас в пределах её сети. Прошрое, чужие намерения и неизвестные люди оставались для неё такими же загадками, как для меня.

«Вы знаете, что случилось с моим отцом и дедом?»

Ответ последовал не сразу.

«Полные журналы повреждены или заблокированы.»

«Почему?»

«Недостаточная связь между узлами. Причина снижения связи недоступна».

Не ответ. Но и не пустота.

Веста не знала всего. Она не видела того, чего не зафиксировали узлы, не могла прочесть чужие мысли и не умела извлекать из повреждённого архива то, чего там уже не было.

Зато она умела отвечать.

«Разговор с вами тратит резерв?» — спросил я мысленно.

«Нет»

«А молчание?»

«Тожже нет»

«Хоть что-то в этом баронстве далось мне бесплатно»

«Поправлю вас – баронство получено по праву наследования»

«Я уже начинаю понимать, почему вы так долго молчали»

Веста и это оставила без возражений.

Голубое окно о восстановлении резерва оставалось перед глазами.

«Три единицы в сутки — это предел?» — спросил я мысленно.

«Предел текущей сети. Восстановление других узлов может увеличить приток, если их назначение включает накопление или передачу энергии»

«А можно направить часть этой энергии на моё восстановление?»

«Да. Доступен протокол поддержки владельца. Энергия не заменяет лечение, но ускоряет естественное восстановление. Расход: одна единица каждые двадцать четыре часа»

Перед глазами появился расчёт.

[Протокол поддержки владельца] Входящий поток: 3 единицы каждые 24 часа. Поддержка восстановления: 1 единица каждые 24 часа. Накопление резерва: 2 единицы каждые 24 часа. Ожидаемый эффект: ускорение естественного восстановления. Предварительный срок до снятия физических ограничений: 6–8 дней. Условие: непрерывная работа Северного моста.

«Активировать», — приказал я мысленно.

«Протокол активирован. Первое списание произойдет после первого пополнения резерва»

Словно после этих слов боль в боку должна была исчезнуть. Она не исчезла.

Магия не дала мне новое тело. Она лишь пообещала, что старое будет чиниться быстрее. В моём положении и это было щедрым подарком.

«Веста, что именно Система обнаружила в районе Каменцев?» — спросил я мысленно.

«Неподтверждённое совпадение с материалом проводящего канала. Источник сигнала: отвалы породы у верхних выработок железного рудника. Визуальные данные отсутствуют. Требуется образец».

Ни цвета. Ни формы. Ни точного объёма.

Только место, где стоило искать.

Я позвал Брана. Кузнец подошёл с северного берега.

— Что добывали в каменцком руднике? — спросил я у него.

Бран удивлённо посмотрел на меня.

— Так, железяк же. Хорошую жилу нашли при вашем отце. На ней он и закрыл часть старых займов. Потом жила истощилась, а нижнюю штольню затопило.

— Были ли отходы при добыче? Странные камни, кристаллы или же самородки?

— Пустую породу в основном выкидывали. Серый камень, глину, сланец. Был ещё тёмный, с синими жилками. Железа в нём почти не было, а в горне он мешал. Если попадался с рудой, уголь горел белым, а железо выходило хрупким. Его складывали отдельно.

— Где?

— У верхней штольни. Три кучи точно. Может, четыре. А зачем он вам?

«Словесное описание совпадает с архивным описанием на 76%. Для анализа требуется физический образец», — сказала Веста.

На лице у меня, видимо, что-то изменилось. Мартин наклонился ко мне.

— Вы думаете, эта порода может иметь ценность? — спросил казначей.

— Я думаю, что нам нужен образец, — ответил я и тут же повернулся к кузнецу. — Бран, кто в Каменцах сможет отличить этот камень от остального отвала?

— Старший рудокоп Ярош. Он его как раз и велел не смешивать с железяком.

— Гонец из Каменцев ещё в замке? — уточнил я у Грегора.

Управляющий кивнул.

— Остался ждать вашего распоряжения.

— Пошлите его обратно. Пусть староста и Ярош возьмут по камню из каждой отдельной кучи. Образцы завернуть по отдельности, опечатать при двух свидетелях и записать, из какого отвала взят каждый.

— К завтрашнему вечеру привезут, — сказал Грегор.

Мартин посмотрел на меня.

— А срок сверки закончится ещё через одно утро.

Веста показала точное время.

Два дня и семь часов.

Только в эти два дня нужно было вместиť дорогу до Каменцев и обратно, пробу, независимую оценку, взвешивание и нотариальную передачу.

Даже если камень окажется ценным, дом Рейна мог оспорить цену, затянуть пробу или просто сделать вид, что товар не подходит под текст грамот.

Впервые за пять дней у меня был не ответ, а возможность его найти.

Система открыла последнее окно.

[Проект владения создан — Досрочное исполнение обязательств] Цель: прекратить действие 3 долговых грамот дома Вельгор. Требуется: — получить образцы породы из Камен-

цев; — подтвердить тип, качество и доступный объём материала; — получить независимую оценку; — предложить кредитору полное исполнение; — при отказе передать имущество в нотариальное хранение; — вернуть либо погасить подлинники грамот. Целевая стоимость обеспечения: 11 золотых 82 серебряных. Из них спорная часть: 98 серебряных; внесение не означает признания долга. Осталось до конца срока сверки: 2 дня 7 часов. Риск: противодействие кредитора; недостаточная стоимость ресурса. Рекомендация: ограничить круг лиц, имеющих доступ к сведениям о ресурсе.

Мартин дождался, когда я сосредоточусь на нём, а не на пустом воздухе перед глазами.

— Что вы решили, милорд?

— Что у нас появилась возможность закрыть расписки, — ответил я. — А ещё что мы пока не знаем, стоит ли она хотя бы одной монеты.

«Корректировка: предполагаемая ценность выше нуля. Достоверность низкая», — сказала Веста.

То есть камень всё-таки стоил дороже одной медной монеты. Пока не самая убедительная причина устраивать праздник.

Мартин внимательно изучил моё лицо.

— Судя по вашему виду, хорошая новость опять потребует от нас денег.

— Возможно, а также очень много работы.

— Тогда точно хорошая.

Грегор позвал гонца. Бран вернулся к своим скобам. На другом берегу жители Пеньков снимали с телеги мельничную ось.

Мост впервые за многие месяцы не делил баронство на две части, а соединял их.

Он выдержал телегу, вернул дорогу к Пенькам и разбудил голос, который помнил моих отца и деда.

Теперь нам предстояло за два дня доказать, что груды бесполезного камня стоят дороже трёх долговых грамот.

«И добиться, чтобы кредитор соблюдал условия собственных договоров», — добавила Веста.

«Ты умеешь обнадёживать», — заметил я мысленно.

«Функция не заявлена»

Глава 5. Срок истёк

Гонца, отправленного в Каменцы, всё ещё не было.

К полудню шестого дня моей жизни в теле Адриана Вельгора я уже третий раз подходил к окну и всматривался в северную дорогу. Над мокрыми полями поднимался пар, у ворот лениво перебрасывались словами двое работников, но между ними и лесом не двигалось ни одной повозки.

Грегор обещал образцы только к вечеру, поэтому формально никто не опаздывал. Просто мне очень хотелось, чтобы дорога внезапно стала короче.

До заката следующего дня, которым заканчивалась долговая сверка, оставался тридцать один час. После этого Фальк получал право обратиться взыскание на залоги по трём грамотам: Каменецкий рудник и западный лес.

А у нас пока имелись две серебряные монеты, тридцать семь медных и обещание Системы, что неприметный камень из старых отвалов может чего-то стоить.

Мартин сидел за столом перед раскрытой книгой платежей. На странице, датированной пятнадцатым днём месяца жатвы, значилось: «сборщику Ральду переданы серебро и два воза выделанной кожи общей стоимостью восемьдесят шесть серебряных монет в счёт второй долговой грамоты». Под записью стояли подпись Мартина и печать покойного барона. А вот расписки Ральда не было.

— Двенадцать серебряных Фальк признал ошибкой писца ещё на первой встрече, — спросил я Мартина. — Почему мы всё ещё держим их в сумме обеспечения?

— Потому что признать ошибку вслух и исключить требование из окончательного расчёта — не одно и то же, милорд, — ответил Мартин. — Его слова внесены в протокол, но мастер Гервин должен подтвердить исключение при последней сверке. До этого безопаснее считать всю заявленную сумму.

Вот почему в расчётах Системы по-прежнему стояли одиннадцать золотых восемьдесят две серебряные. Она учитывала не то, что Фальк обещал, а то, что мы должны были перекрыть товаром, если он внезапно забудет собственные слова.

— После фиксации ошибки останется одиннадцать золотых семьдесят серебряных, если Рейн не признает старый платёж, — продолжил казначей. — И десять золотых восемьдесят четыре серебряные, если признает.

В книге серебро и кожу свели в один осенний взнос общей стоимостью восемьдесят шесть серебряных. Поэтому Мартину предстояло подтвердить всю передачу: и монеты, и два воза.

— При этом присутствовали ты, мой отец и Ральд, — сказал я.

— В кабинете были только мы трое. Возчики ждали во дворе. Они видели, как люди Ральда забрали кожу, но не слышали, в счёт чего её передавали.

Отец Адриана умер. Ральд погиб зимой. Остался Мартин — человек, который сам внёс запись и теперь должен был поклясться, что не прикрывает собственной подписью пропавшее имущество.

Грегор стоял у окна и смотрел на пустую дорогу.

— Фальк назовёт книгу записью одной стороны.

— И будет прав, — ответил я. — Книга не заменяет расписку. Но в ней есть дата, печать отца и подпись Мартина. Пусть Гервин зафиксирует клятву, а Фальк выбирает либо признать платёж, либо отправить спор в вассальный суд.

— Суд не отменит бесспорную часть долга, — напомнил управляющий.

— Поэтому нам всё равно нужна порода.

Северный мост отозвался внутри лёгким теплом. Первый суточный цикл закончился.

[Суточное восстановление резерва] Внешний узел: Северный мост. Восстановлено: 3 единицы. Протокол поддержки владельца: активен. Расход на восстановление организма: 1 единица. Текущий резерв: 3 из 100.

За последние сутки боль под рёбрами стала заметно слабее. Бок всё ещё тянул, но уже не напоминал о себе при каждом вдохе. Корвин с рассвета ушёл в Рогачи к женщине с горячкой, оставив мне распоряжение не путать выздоровление с бессмертием.

«Восстановление проходит без осложнений», — сообщила Веста.

«А гонца ты ускорить не можешь?»

«Нет. Могу предложить продолжить смотреть в окно».

«Это поможет?»

«Нет».

Со двора донёсся крик привратника. Грегор распахнул створку окна.

По северной дороге к замку ехал гонец на телеге.

* * *

Лошадь остановилась посреди двора, покрытая грязью до брюха. Рядом с гонцом, которого мы накануне отправили обратно в Каменцы, сидел широкоплечий седой мужчина в кожаной куртке.

Он спрыгнул на землю и снял шапку.

— Ярош, старший рудокоп, милорд.

— Ярош, ты привёз образцы?

Рудокоп откинул рогожу на телеге.

— Образцы здесь. И ещё четыре мешка того, что мы нашли утром.

В свёртках лежали серые камни из старых отвалов. Мешки были набиты почти чёрной породой с тонкими синими прожилками.

— Четыре мешка, — сказал Ярош. — По рудничным весам около девяноста шести килограммов.

— Не знал, что весы ещё работают.

— Работают — громко сказано. — Рудокоп похлопал ладонью по ближайшему мешку. — Раньше на них принимали железняк. Для примерного веса сгодятся, но казначею я бы эти цифры без проверки не показывал.

Мартин, стоявший рядом, выразительно поднял брови.

— Уже показали, — заметил я. — Долго добирались?

— Дважды вытаскивали колесо из грязи. По сухой дороге были бы здесь на два часа раньше.

Я откинул край мешка. Под рогожей блеснули синие прожилки.

— А это вы где нашли?

Ярош поднял один из свёртков со старым камнем.

— Вчера собрали то, что лежало в отвалах. А утром за четвёртой кучей сползла глина. Под ней открылась тёмная полоса. Синих нитей там больше, чем в старой породе. Я снял то, что осыпалось само, и немного отбил с края.

— Это жила? — Грегор наклонился к свежему сколу, но касаться не стал.

— Похоже на то. Тёмная полоса идёт по стене верхней штольни. Насколько далеко — не знаю. Одна стойка сгнила, а хоронить людей ради красивого ответа я не стану.

Ярош произнёс это спокойно, но посмотрел прямо на меня. Не оправдывался. Обозначал границу.

— И правильно. Но почему эту породу раньше считали пустой?

— Потому что искали железо, милорд. Тёмный камень металла не давал, уголь портил, железо делал хрупким. Для рудокопа это была не находка, а помеха.

Система обнаружила следы материала в старых кучах. Рудокопы, посланные за образцами, нашли источник.

— Грегор, поставь у кладовой двух людей, — распорядился я. — До завтрашнего утра о находке знают только те, кто уже во дворе. Прибывших накормить, лошадь вычистить и устроить им ночлег. О породе никому не рассказывать без моего разрешения.

Я взял по камню из каждого свёртка, затем достал из мешка чёрный обломок размером с кулак. Для окружающих ничего не произошло, только я чувствовал, как нагревается перстень.

«Получены образцы для сопоставления», — прозвучал у меня в голове голос Весты. — «Найдено совпадение породы из верхней штольни. Доступна углублённая сверка. Стоимость: 2 единицы резерва».

«Проводи».

Сразу после отданной команды тепло из перстня перешло в ладони, в которых находилась порода. Не было никаких видимых спецэффектов, только строки возникли перед глазами.

[Углублённая сверка материала завершена] Архивное наименование: эфирный сланец. Содержание полезного материала в исследуемом образце: 28%. Последняя зарегистрированная цена очищенного материала: 68 серебряных монет за 1 килограмм. Дата записи: недоступна. Актуальность цены: требует подтверждения. Сопоставление: — четыре старых отвала содержат следовые включения; — переработка старых отвалов нерентабельна; — образец из верхней штольни соответствует богатой породе. Доступный объём жилы: не установлен. Для пространственной оценки требуется активировать узел в районе Каменцев. Расход: 2 единицы. Текущий резерв: 1 из 100.

Впервые с моего пробуждения в руках лежало не обещание будущего, а реальный шанс. Камень можно было пощупать и взвесить, продать или передать в погашение долга. Оставалось выяснить, хватит ли нынешнего объёма, чтобы выкупить у Рейна собственное будущее.

— Эфирный сланец, значит... — почти шёпотом проговорил я название.

На моём лице, видимо, что-то изменилось. Мартин наклонился ближе.

— Вы думаете, эта порода может иметь ценность?

— Думаю, да. Но нам нужен точный вес и заключение двух присяжных оценщиков.

Ярош вскинул голову, услышав произнесённое мной название породы.

— Эфирный сланец?

— Слышал название?

— Да, милорд. В Вальдене его используют в накопителях для мастерских. Но сырым я никогда его не видел.

— Тейль служит при плавильнях Рейна, — сказал Грегор. — Он такую породу узнает. Мастер Гервин приезжал как нотариус, но его полномочия присяжного оценщика действуют во всём округе.

Тейль представлял кредитора. Гервин — закон. Оба должны были участвовать в окончательной сверке, поэтому искать нового специалиста и посылать очередного гонца не требовалось.

Бран и Освин пришли со стороны кузницы. Ярош разложил перед ними старые образцы и кусок новой породы.

Кузнец провёл напильником по синей прожилке.

— Серый камень видел в железняке. В горне светлеет, но железа не даёт. Чёрного раньше не было.

Освин взвесил оба обломка на ладонях.

— Этот плотнее. И мешки набиты одинаково.

— Проверьте замковые весы, — сказал я. — Потом перевесьте каждый мешок отдельно. Бран, сравни породу и пометь мешки. До приезда оценщиков ничего не жечь и не дробить.

— Тогда зачем вы меня звали, милорд? — спросил кузнец.

— Чтобы завтра Тейль не убедил меня, что синие прожилки нарисовали углём.

Бран ещё раз посмотрел на скол.

— Не убедит.

К четырём часам замковые весы уточнили результат: ровно девяносто шесть килограммов. Породу разделили на четыре мешка по двадцать четыре килограмма. Мартин записал вес каждого мешка, Ярош и Освин поставили подписи, после чего горловины перевязали и опечатали.

Девяносто шести килограммов должно было хватить при любом решении по старому платежу, но только если реальная цена сырой породы окажется не ниже двенадцати серебряных девятнадцати медных за килограмм.

До человеческой оценки расчёт оставался ставкой.

Мартин провёл под последней цифрой черту.

— Если дадут меньше, всей партии не хватит на расчёт Рейна.

— Тогда добавим деньги из казны.

Казначей посмотрел на меня поверх листа.

— Милорд, наши две серебряные тридцать семь медных не следует произносить таким тоном, будто за дверью ждёт ещё сундук с продолжением.

Я велел подготовить рядом с весами пустые мешки и гири. Если старый платёж признают, нужный вес отмерим после оценки. Если нет, Гервин сам определит, какую часть партии принять на нотариальное хранение. Никаких заранее отложенных подарков Фальку и никакой возможности заявить, что порода исчезла между первым взвешиванием и сверкой.

К шести вечера мы с Ярошем и Освином склонились над угольной схемой рудника.

— Верхний ход сухой примерно на семьдесят метров, — объяснил рудокоп. — Новая порода открылась перед спуском. Потолок цел, но две стойки придётся менять.

— Если Ярош прав, понадобятся две стойки и поперечина, — сказал Освин. — После ремонта моста подходящего леса у замка не осталось. Сначала я сам осмотрю крепи и сниму размеры. Потом проверим, что можно взять в Пеньках.

— Что ниже? — спросил я.

— Нижние ходы затоплены с конца лета, — ответил Ярош. — До верхней штольни вода пока не дошла. Весной может.

Не золотая гора. Ещё один объект, которому требовались материалы, отвод воды, дорога, инструменты и охрана.

«Активация Каменецкого узла позволит оценить жилу и состояние древних каналов в пределах рудника», — сообщила Веста.

«Стоимость?»

«Неизвестна до установления связи».

«Разумеется».

Я вернулся к схеме.

— Ярош, Бран и Освин, завтра после сверки поедете в Каменцы. Сначала нужно решить вопрос с крепями и водой. До разрешения мастеров никто не отбивает породу.

— Люди ждут приказа, — сказал Ярош.

— Пусть ждут. Породу открыла осыпь у входа. Не хочу, чтобы следующая произошла у людей над головой.

После ужина я ещё раз проговорил с Мартином предстоящую присягу.

— Не пытайся убедить Фалька. Назови только то, что видел сам.

— Он спросит, почему я отпустил Ральда без расписки.

— Скажи правду.

— Ваш отец приказал не задерживать сборщика. Ральд обещал прислать расписку к зимней сверке. Я ему поверил.

— Вот так и скажешь. Мартин, мы исправляем ошибку, а не переписываем прошлое.

К десяти вечера замок стих. До конца сверки оставался двадцать один час.

Лёжа в постели, я перебирал три возможных провала: Фальк мог отвергнуть платёж, Тейль — занижить цену, а соглашение — отобрать право на будущую добычу.

«Повышенная частота сердечных сокращений мешает восстановлению», — заметила Веста.

«Полезные советы будут?»

«Перестать повторять уже рассмотренные варианты неудачи».

«Это работает?»

«Если судить по вам, то нет».

* * *

Фальк прибыл в девять часов утра седьмого дня.

До заката оставалось десять часов.

После первой встречи Фальк и Тейль остались в Рогачах вместе с людьми дома Рейна. Мастер Гервин приехал туда накануне: его участие назначили заранее, и времени добраться до баронства у нотариуса было достаточно.

Я встретил их в большом зале. На столе лежали долговые грамоты, книга платежей и протокол первой сверки.

— Я не вижу денег, — заметил Фальк после приветствия.

— Сначала уточним, сколько именно я должен.

Гервин снял перчатки и положил рядом с чернильницей бронзовую печать.

— Сегодня я действую как графский нотариус и присяжный оценщик торгового имущества, — объявил он. — Господин Тейль выступает вторым оценщиком, заявленным кредитором. Я удостоверю документы и расчёт товара, но долговой спор вместо суда решать не стану.

Он раскрыл прежний протокол.

— Представитель дома Рейна признал сбор в двенадцать серебряных ошибкой писца. Исключение подтверждено и вносится в окончательный расчёт.

Перо скрипнуло по бумаге.

Вот теперь сумма действительно уменьшилась с одиннадцати золотых восьмидесяти двух серебряных до одиннадцати золотых семидесяти.

— Неразрешённым остаётся платёж пятнадцатого дня месяца жатвы, — продолжил Гервин. — Серебро и два воза выделанной кожи общей стоимостью восемьдесят шесть серебряных. Расписка сборщика Ральда не представлена.

Мартин вошёл по моему знаку.

Гервин повернул бронзовую печать лицевой стороной вверх. На потемневшем металле проступили три тонкие линии, сходящиеся вокруг изображения раскрытой ладони.

— Мартин Крой, положите руку на печать, — распорядился нотариус. — Отвечайте только о том, что видели или слышали лично. Не предполагайте и не дополняйте память выводами.

Казначей накрыл печать ладонью. По краю бронзового круга пробежал мягкий белый свет.

— Клянусь говорить правду в пределах известного мне, — произнёс Мартин.

Свет замкнулся вокруг его руки.

Казначей назвал дату. Монеты пересчитали в кабинете покойного барона. Кожа ждала во дворе; Ральд осмотрел верхние связки и приказал своим людям принимать груз. В тот же день Мартин внёс запись в книгу, а барон скрепил её печатью.

Белое кольцо не изменилось.

— Вы отвечали за имущество и сами сделали запись, — сказал Фальк. — Почему её следует считать доказательством?

— Потому что запись появилась в день передачи и скреплена печатью барона, — ответил Мартин. — Расписку я должен был потребовать до отъезда Ральда. Я этого не сделал.

— Почему?

— Барон приказал не задерживать сборщика. Ральд пять лет принимал наши платежи и обещал прислать расписку к зимней сверке. До неё он не дожид.

— Ты видел, как кожа покинула двор? — спросил Гервин.

— Видел. Но не могу поклясться, что возы доехали до складов Рейна. Я не ехал следом. Свет вокруг ладони Мартина остался ровным.

Гервин коснулся цепью должности края печати. Белое кольцо погасло, оставив на протоколе бледный оттиск раскрытой ладони.

Нотариус повернул документ к Фальку.

— Печать не обнаружила сознательной лжи. Присяга Мартина принята и будет внесена в протокол.

Фальк посмотрел на бледный знак под протоколом.

— Дом Рейна сохраняет возражение.

— Возражение будет внесено вместе с результатом присяги, — ответил Гервин и взялся за перо. Я подвинул к нему два расчёта.

— Тогда возможны два исполнения. Если вы признаёте платёж, я передаю товар на десять золотых восемьдесят четыре серебряные. Если отказываетесь — товар на одиннадцать золотых семьдесят серебряных поступает на нотариальное хранение, а спор о платеже серебром и кожей общей стоимостью восемьдесят шесть серебряных уходит в суд. В обоих случаях требовать залог до решения вы не сможете.

Фальк впервые посмотрел не на документы, а на меня.

— Показывайте товар.

* * *

В десять часов печати с четырёх мешков сняли в присутствии Тейля и Гервина.

В кладовую вошли я, Фальк, Мартин и оба оценщика. Ярош с Браном остались у двери — достаточно близко, чтобы ответить на вопросы, но не мешать проверке.

Породу из каждого мешка высыпали на отдельное полотнище. Тейль выбирал камни из разных частей, раскалывал их и растирал осколки в крупную крошку. Полученные образцы он смешал с пробирной солью и разложил по четырём глиняным тиглям.

Бран принёс малую угольную жаровню и раздул огонь мехами.

Камень не плавился. Под действием жара тёмная слоистая основа серела и теряла прочность, а синие кристаллические прожилки спекались на дне тиглей в плотные стекловидные крупинки.

Когда тигли остыли, Тейль отделил спёкшиеся крупинки от серой крошки и взвесил их.

— Эфирный сланец, — подтвердил он. — Содержание полезной части высокое. Порода годится для очистки.

Фальк сразу задал мне вопрос:

— Откуда она?

— Из Каменецкого рудника, — ответил я.

— Старые отвалы?

— Нет.

Тейль отложил щипцы.

— Значит, вы обнаружили новую жилу, — констатировал Тейль.

— Господа, сегодня мы оцениваем привезённую партию.

— Дому Рейна нужно понимать, насколько однородно месторождение, — вмешался Фальк.

Гервин закрыл журнал с результатами проб.

— Для соглашения достаточно установить стоимость передаваемой породы. Размер месторождения к долговому взысканию не имеет отношения.

Оценка заняла больше часа.

Гервин поднял старые торговые записи, сравнил результаты всех четырёх проб и намеренно выбрал самый осторожный вариант расчёта. Даже при нём привезённой породы хватало с запасом.

Тейль перечитал заключение и поставил подпись.

— Возражений по оценке нет.

Мартин проверил расчёт следом за ним. Костяшки на счётах простучали ещё несколько раз, после чего казначей наконец поднял голову.

— Хватит, милорд. Восемьдесят девять килограммов закроют весь остаток. Семь килограммов останутся у нас.

Из всей его фразы я услышал только одно слово.

Закроют.

Не отсрочат. Не перенесут на следующий месяц. Не обменяют на новую расписку с ещё более мерзкими условиями.

Закроют.

Фальк взял заключение, однако подписывать соглашение не спешил.

— Дом Рейна примет породу, если получит первое право покупки следующей партии.

Вот ради чего он держался за старый спор. Не ради нескольких десятков серебряных. Ради двери в рудник.

— Нет, — ответил я.

Поверенный поднял на меня взгляд.

— Первое право покупки не обязывает вас принимать нашу цену.

— Зато заставляет сообщать вам объёмы добычи и предложения других покупателей. Я закрываю старый долг, господин Фальк, а не подписываю новый.

Он помолчал, глядя на раскрытые мешки.

Отказаться Фальк мог. Но тогда Гервин принял бы предназначенную кредитору породу под нотариальную печать и зафиксировал, что дом Рейна уклонился от равноценного исполнения обязательств. Вместо рудника Фальк получил бы тяжбу в вассальном суде.

И он это понимал.

— Вы можете пожалеть об этом решении, — произнёс поверенный.

— Возможно. Но это будет уже моя ошибка, а не условие в вашем договоре.

Фальк ещё раз посмотрел на заключение и протянул его Гервину.

— Вносите в соглашение. Будущая добыча в расчёт не входит.

После этого дело пошло быстрее.

Дом Рейна признавал прежний платёж серебром и кожей. Ошибочно начисленный сбор исключался из требований. Оставшийся долг — десять золотых восемьдесят четыре серебряные — погашался передачей восьмидесяти девяти килограммов сырого эфирного сланца.

Точный вес передаваемой породы Гервин внёс в соглашение. Там же он указал, что дом Рейна принимает её в замке и вывозит своими людьми. После погрузки ни лес, ни рудник, ни другое имущество Вельгора больше не оставались под залогом.

Документ занял две страницы.

Мартин проверил каждую строку и только после этого передал лист мне.

Я подписал первым.

Фальк поставил подпись следом. Гервин удостоверил соглашение своей печатью.

Во дворе уже ждала крытая повозка дома Рейна. Породу ещё раз взвесили и пересыпали в подготовленные мешки. Люди Фалька вынесли их из кладовой под наблюдением Мартина и Яроша.

После погрузки у нас остался один мешок с семью килограммами сланца. Мартин сам затянул верёвку и поставил на сургуче печать Вельгора.

Когда погрузка закончилась, мы вернулись в малый зал.

На столе лежали три долговые грамоты.

Гервин обмакнул перо в красные чернила и провёл линию через первую.

Мартин замер.

Вторая красная черта легла поверх печати на грамоте, обеспеченной западным лесом.

Грегор медленно выпрямился, словно с его плеч сняли груз, который он слишком долго запрещал себе замечать.

Третью грамоту Гервин перечеркнул от одного края листа до другого. Красная линия прошла через условия залога Каменецкого рудника.

Нотариус отложил перо.

— Обязательства дома Вельгор исполнены полностью. Залоговые права дома Рейна прекращены.

Фальк собрал копии соглашения, а подлинники перечёркнутых грамот передал мне.

Я взял их в руки.

Три листа. Несколько печатей. Чужие подписи.

Ещё утром от этих бумаг зависело, останутся ли у нас лес и рудник. Теперь они не стоили ничего.

От Северного моста пришла знакомая волна энергии. Тепло прошло по телу, задержалось в груди и растворилось вместе с остатками утренней слабости.

[Проект владения завершён — Досрочное исполнение обязательств] Долговые грамоты дома Вельгор: погашено 3 из 3. Залоговые права дома Рейна: прекращены. Права на Каменецкий рудник и будущую добычу: сохранены за домом Вельгор. Новый актив: жила эфирного сланца. Новый риск: дом Рейна получил сведения о ресурсе. Текущий резерв: 3 из 100.

До срока, назначенного Фальком, оставалось ещё семь часов.

Но впервые этот отсчёт больше ничего не решал.

«Финансовая устойчивость владения повышена», — сообщила Веста.

Я посмотрел на перечёркнутые грамоты.

«То есть мы больше не должники?»

«Дом Вельгор больше не имеет обязательств перед домом Рейна».

«Можно было ответить короче».

«Вы больше не должники».

Фальк застегнул плащ.

— Долг вы закрыли, милорд. Но добыть сланец проще, чем очистить и продать его.

— Значит, этим и займёмся.

— Ближайшие мастерские работают с домом Рейна.

Вот и следующая проблема. Фальк сообщил о ней почти дружелюбно.

— Тогда будем искать дальше ближайших.

Поверенный поклонился и вышел.

В малом зале ждали Бран, Освин, Эдмунд и Ярош. Грегор встал рядом с Мартином. Я разложил перед ними три перечёркнутые грамоты.

— Долговых грамот Рейна больше нет.

Несколько мгновений никто не отвечал.

Ярош первым снял шапку. Мартин опустил на стул и провёл ладонью по лицу. Грегор перечитал красные строки на каждой грамоте, словно опасался, что одна из них исчезнет.

Эдмунд позволил себе короткую улыбку.

Бран тихо рассмеялся. Напряжение, державшее зал с самого утра, наконец отпустило.

— Какие будут приказы, милорд? — спросил Грегор.

— Завтра на рассвете Ярош, Бран и Освин едут в Каменцы. Сначала проверяют крепь и отведут воду. Широкую выработку не начинаем, пока не поймём, куда уходит жила.

Ярош кивнул.

— Эдмунд выделит людей для охраны входа, — продолжил я. — А ты, Грегор, выясни, кто может очищать сланец и не зависит от Рейна. Без лишнего шума.

— Сделаю, милорд, — ответил управляющий.

Мартин посмотрел на перечёркнутые грамоты, затем на меня.

— Денег на восстановление рудника всё равно не хватит.

— Знаю. Но теперь их хотя бы не придётся отдавать Рейну. Будем решать проблемы по очереди.

Казначей не нашёл, что на это возразить.

Утром дом Вельгор был должником, который мог лишиться последних доходных земель.

К полудню долг исчез.

Мы не стали богатыми. Не починили рудник и не нашли покупателей. Зато лес, Каменцы и всё, что скрывалось под ними, по-прежнему принадлежали нам.

Проблему я решил.

Теперь оставалось пережить последствия.

Интерлюдия

Поздний вечер.

Крытая повозка Фалька добралась до владений Рейна уже после наступления темноты. Пока люди уводили лошадей и переносили опечатанные мешки в складской двор, поверенный поднялся в господский дом с дорожной сумкой под мышкой.

В кабинете барона Каспара горели шесть свечей. На стене за его креслом висела карта северных земель. Каменцы были отмечены маленьким чёрным кружком у границы Вельгора.

Фальк поклонился и положил на стол копию соглашения.

— Докладывай, — велел Каспар.

— Взыскание завершено, милорд. Старый платёж признан, остаток обязательства погашен. Рудник и лес остались за Вельгором. Наши залоговые права прекращены.

Каспар протянул руку к документу, но не взял его.

— Деньгами?

Фальк достал из сумки завёрнутый в ткань камень и положил рядом с соглашением.

— Сырьём. Эфирным сланцем.

Каспар развернул ткань. На свежем сколе проступали тонкие синие прожилки.

— Откуда у Вельгора эфирный сланец?

— Из Каменецкого рудника. Тейль проверил четыре пробы и подтвердил содержание от двадцати четырёх до двадцати семи процентов.

Палец Каспара остановился на краю скола.

— В Каменцах добывали железо.

— Эту породу взяли не из старых отвалов. Тейль решил, что вскрыта новая жила. Вельгор не подтвердил этого прямо, но и не опроверг.

— Каков объём жилы?

— Вельгор не сказал.

Каспар провёл пальцем по Каменцам на карте.

— А ты спрашивал?

— Предложил первое право покупки и выкуп по рыночной цене. Он отказался прежде, чем Тейль успел изложить преимущества.

Палец барона остановился.

— Сколько породы он отдал без торга?

— Восемьдесят девять килограммов. Ровно столько, сколько требовалось для погашения долга. Ни камнем больше.

— Значит, объём он либо знает, либо очень не хочет показывать, что не знает.

Каспар наконец взял соглашение.

— Это не похоже на прежнего Адриана, — произнёс Каспар.

— Именно поэтому я не стал настаивать, милорд, — ответил Фальк. — В противном случае порода уходила под нотариальную печать, а спор в вассальный суд.

Каспар перелистнул соглашение.

— Почему ты признал платёж?

— Осталась запись с печатью покойного барона и присяга Мартина. Печать свидетельства не обнаружила сознательной лжи. Расписки Ральда нет, но отказ ничего нам не давал: залог оставался у Вельгора, а мы получали тяжбу вместо сланца.

— Ральд был небрежен.

— Ральд мёртв, милорд, — напомнил Фальк.

— Одно другому не мешает.

Барон отложил документ и подошёл к карте. Его палец прошёл от Каменцев к замку Вельгоров.

Если сведения Фалька верны, в бедном пограничном владении появился ресурс, которого там не должно было быть. Но пока никто не знал ни длины жилы, ни глубины, ни того, выдержат ли старые штольни добычу.

Давить на Вельгора сейчас означало платить за неизвестность. Выгоднее было позволить ему самому провести разведку и оплатить первые работы.

А потом решить, сколько стоит его успех.

— Не будем мешать соседу осваивать новую жилу, — сказал Каспар.

Фальк поднял глаза.

— Милорд, вы придумали план?

— Пока объём неизвестен, жила может оказаться либо состоянием, либо дорогой половиной камня длиной в десять метров. Пусть Вельгор сам выяснит её протяжённость и доступность.

— Если запас большой, он найдёт покупателей, — сказал Фальк.

— Покупателей — да. Вопрос в том, кто очистит сланец.

Две ближайшие мастерские очистки работали по договорам дома Рейна. Третья принадлежала графу, но её управляющий избегал редких и рискованных заказов. Остальные находились так далеко, что вывоз сырой породы становился слишком дорогим.

— Продли наши договоры с мастерами до конца года, — распорядился Каспар. — Не запрещай им работать с Вельгором. Просто займи свободные мощности нашими заказами.

— Он поймёт, — заметил поверенный.

— Конечно. Но обвинить нас ему будет не в чем.

— Следить за Каменцами? — спросил Фальк.

— Людей к руднику не посылай. Узнай, кого наймут, что начнут возить в Каменцы и какие купцы станут расспрашивать об эфирном сланце. Добычу проще считать по телегам, чем по слухам шахтёров.

— А сам Адриан? — спросил Фальк.

Каспар посмотрел на образец.

— Выясни, откуда после падения у него появились знания и осторожность, которых прежде не было. Без угроз. Мне нужны ответы, а не ещё одна причина для ревизора присмотреться к северу.

Фальк коснулся перечёркнутой копии грамоты.

— Долг был хорошим поводом.

— Нет, — ответил Каспар. — Хороший поводок не рвётся при первом рывке.

Он положил сланец на карту рядом с Каменцами.

— Теперь пусть молодой барон сам покажет, сколько стоит его свобода.

Глава 6. Вода всегда ищет выход

На восьмой день моего пребывания в Вельгоре Мартин положил передо мной три перечёркнутые долговые грамоты и копию письма, отправленного графу Вальдену.

Красные линии на грамотах означали: Рейн больше не мог забрать лес, Каменцы и остальное имущество Вельгора. Письмо рядом напоминало, что мы избавились лишь от одной беды.

— С долгами перед домом Рейна покончено, — сказал Мартин. — Но графу мы всё ещё должны. И людей на границе больше не стало.

Он развернул письмо. Мы обещали показать ревизору книги и всё, что успеем привести в порядок. С тех пор прошла неделя. До его приезда оставалось не больше двадцати трёх дней.

За эти дни нужно было прокормить людей, вернуть караулы на границу и найти деньги для графа. Перечёркнутые грамоты говорили лишь о том, чего мы больше не должны Рейну. Откуда взять всё остальное, на них написано не было.

Вчера восемьдесят девять килограммов эфирного сланца спасли рудник и западный лес. В кладовой осталось ещё семь. Одной случайно найденной партии не хватило бы ни на вассальный сбор, ни на содержание людей.

Нужен был постоянный доход.

— Поэтому я поеду в Каменцы вместе с Ярошем, Браном и Освином. Если жила продолжается, рудник даст людям работу, поможет выплатить сбор графу и покажет ревизору, что владение ещё способно себя содержать.

Мартин подвинул ко мне короткий список.

— Сначала выясните, можно ли добывать сланец без обвалов. Пока у нас нет ни рудника, ни дохода. Есть только надежда.

В списке стояли одна подвода, овёс для лошади, еда и инструменты. Освин взял мерную рейку, отвес, мел и плотницкий шуп. Бран — молоток и железные мерки. В Каменцы они ехали не чинить шахту, а посмотреть, что в ней уцелело.

Освину предстояло сосчитать рамы и снять размеры. Брану — отделить целое железо от ржавого. Лишь после этого можно было посылать человека в Пеньки за лесом. Пока мастера не увидели шахту своими глазами, любое число материалов оставалось гаданием.

— Записывайте всё, что уйдёт на рудник, — сказал я. — Нужно знать цену первого мешка ещё до добычи.

Мартин поставил возле последней строки отметку.

За окнами светало. Во дворе Бран проверял колёса единственной телеги, Освин укладывал мерные инструменты, а Ярош вместе с двумя людьми Эдмунда крепил ящики и мотки верёвки.

У ворот ждал Эдмунд. Рядом с ним стояли Гарт и Родек, двое замковых работников, прежде служивших в гарнизоне. Гарт должен был править телегой.

— Они проводят вас до Каменцев, — сказал Эдмунд. — У рудника будут охранять вход. Если что-нибудь случится, один отправится за помощью, второй дожждётся его на месте.

Оба поклонились.

* * *

Из замка выехали на восток. Дорога обогнула северный край полей и потянулась к каменистым отрогам, за которыми лежали Каменцы.

Поначалу дорога казалась терпимой. Колёса уходили в размокшую землю не глубже ладони, камни встречались редко, а низкие ветви били по плечам не чаще раза в минуту.

Через час стало хуже.

Колеи разошлись, огибая длинную лужу, снова сошлись у размытого склона и упёрлись в яму. Телега накренилась. Бран успел ухватиться за ящик с инструментами, Освин — за борт, а возница натянул поводья.

Пришлось разгружаться.

Инструменты перенесли на сухое место. Под колесо набросали веток и плоских камней. Освин удерживал лошадь и следил, чтобы телега не съехала боком, а Бран, Ярош и оба сопровождающих налегли на борт.

Телегу вытолкнули через четверть часа. На обочине осталась густая глина, одна верёвка лопнула, а Бран обнаружил на борту новую трещину.

Пока люди заново укладывали ящики, я прошёл вдоль размытого места. Телега с людьми и инструментами ушла в грязь почти по ступицу. Добавь к этому мешки со сланцем — колесо сядет ещё глубже. Груз придётся делить, а следом за каждой телегой посылать людей с верёвками, ломami и лопатами. На одной яме мы уже потеряли четверть часа, порвали верёвку и треснули борт.

Одну небольшую партию отсюда вывезти можно. Но если телеги пойдут каждый день, лошади начнут выбиваться из сил в грязи. Людям придётся разгружать каждую застрявшую повозку, а Бран будет чинить колёса вместо того, чтобы ковать скобы для рудника.

Цена товара начиналась не в шахте. Она начиналась здесь, в грязи.

Ярош подошёл ко мне и указал на заросшую ложбину вдоль верхнего края дороги.

— Весной здесь ещё хуже, милорд. Вода идёт со склона. Раньше её отводили по этой канаве, но теперь русло забивается каждую осень.

Латать колеи после каждого дождя было бессмысленно. Дорогу следовало поднять над низкими местами, проложить по краям канавы и укрепить камнем там, где колёса уходили в землю. Сделать один раз так, чтобы вода стекала в сторону, а не уносила дорогу с собой.

Если рудник оживёт, этот путь придётся перестраивать. Иначе каждый мешок сланца мы будем вытаскивать из Каменцев на руках.

Я открыл карту Системы. Дорога легла на неё серой линией. У размытого склона проступили стрелки и цифры, но дальше маршрут снова утонул в сером.

«Для построения проекта требуется обследование всего маршрута», — сообщила Веста.

До Каменцев оставалась ещё часть пути. Прежде чем строить дорогу, требовалось увидеть её целиком.

* * *

Каменцы показались за поворотом ближе к полудню. Сначала над дорогой поднялись серые отвалы, потом между ними проступили крыши из тёмной плитки. Дома прижимались к склону, будто и сами были сложены из вынутой из горы породы. Деревянные стены стояли на каменных основаниях, заборы собирали из плоских камней без раствора.

Телега остановилась у старой кузницы. Ярош сошёл первым и отправился за старостой. Пока его не было, у ближайших плетней начали останавливаться жители. Несколько человек подошли ближе, разглядывая нас и ящики с инструментами. Со склона по-прежнему доносился мерный звон железа по камню.

Ярош вернулся со старостой.

— Милорд приехал осмотреть рудник и каменоломню. Пока идёт осмотр, без разрешения в штольню не входить.

Один из подошедших мужчин посмотрел на ящики с инструментами.

— Значит, выработку железа возобновят?

Стоявшая рядом женщина крепко взяла его за рукав.

— Пока нет, — ответил я. — Сначала нужно понять, можно ли отвести воду и восстановить крепи. До этого добычи не будет.

Собравшиеся заговорили вполголоса. Мужчина снова посмотрел в сторону рудника, но женщина не выпустила его рукав. Одни уже думали о возвращении к работе. Другие помнили воду, которая с конца лета поднималась в нижних ходах, и крепи, оставленные гнить в темноте.

Услышав, что я собираюсь осмотреть каменоломню, староста отправил одного из жителей за старшим каменотёсом. Через несколько минут со склона спустился широкоплечий мужчина лет сорока. Левую кисть стягивала кожаная повязка, два пальца не разгибались.

— Клаус Мальт, старший в каменоломне, — представил его Ярош.

Клаус поклонился.

— В каменоломне остались семеро, милорд. Они продолжают работу.

После закрытия шахты каменоломня давала Каменцам единственную постоянную работу. Забирать оттуда людей ради ещё не обследованного рудника я не собирался. Если для расчистки понадобятся руки, их можно будет искать среди бывших рудокопов. Но сначала следовало понять, какая работа нас ждёт.

— Пусть смена продолжает, — сказал я. — Покажите, какой камень вы добываете. Потом пойдём к руднику.

Клаус кивнул и повёл нас вверх по склону. Староста отправился вместе с нами. Жители остались у кузницы, провожая нас взглядами.

* * *

Каменоломня лежала выше деревни, между двумя старыми отвалами. Рабочие снимали породу со ступенчатого уступа, раскалывали её по естественным трещинам и сразу сортировали. Ровные блоки складывали под навесом. Плоские плиты ставили вдоль деревянных салазков. Мелкий камень уходил в длинную кучу у дороги, а крошку годами сбрасывали на край склона.

Клаус подвёл нас к штабелю грубо обтёсанных блоков и положил ладонь на ближайший.

— Эти идут в основания. Плоскими плитами кроём крыши и выкладываем пол. Крупный серый камень берём для стен. Мелочь складываем у дороги, но пока она лежит без дела.

Именно такой камень мог удержать колёса над грязью и укрепить края канав.

По знаку Клауса двое рабочих принесли к навесу несколько клиньев и молотов. Бран занялся железом. Он простукивал обухи, осматривал трещины и проводил ногтем по расплюснутым краям. Освин проверил рукояти и полозья салазков. На одной рукояти обнаружилась продольная трещина, у двух салазков подгнили передние концы полозьев.

Освин согнул рукоять возле трещины и провёл большим пальцем вдоль волокон.

— Под сильным ударом разойдётся. Здесь нужна новая рукоять. У салазков сгнили передние концы полозьев. Прежде чем возить блоки, их придётся заменить.

Клаус отложил молот в сторону и велел пока не нагружать повреждённые салазки.

Бран несколько раз повернул в руках один из клиньев.

— Трещина подошла к острию. Ещё один сильный удар он может не выдержать.

— Запасного нет, — сказал Клаус.

— Тогда заберу этот в замок. В кузнице посмотрю, можно ли его перековать. Остальные изношены, но ещё послужат.

Когда мы дошли до конца уступа, перед глазами открылось окно.

[Ресурс подтверждён — строительный камень] Доступно: — камень для кладки и оснований; — плоские плиты; — мелкий камень для дорог и водоотводов. Ограничения: — постоянных работников: восемь; — изношенный инструмент; — трудный вывоз.

Клаус заметил, как я смотрю на сложенный под навесом камень.

— Прежде чем увозить его к замку, посмотрите, что у нас держится на клиньях, милорд.

Он отвёл нас к двум домам возле каменоломни. У первого нижнее бревно висело над просевшим углом основания. Под него подложили обломок жернова и забили деревянный клин. Клин размок и начал расползаться.

Освин присел возле угла и проверил нижний венец шупом. Остриё вошло в дерево неглубоко. Плотник поднялся и показал на щель между бревном и основанием.

— Если угол просядет ещё на ладонь, венец треснет. Сначала надо вернуть под него камень и отвести воду от стены.

У второго дома каменное основание разошлось, оставив щель шириной в палец.

За домами стоял общий амбар. С дороги он выглядел крепким, но с обратной стороны вода с крыши годами падала под основание. Землю вымыло, нижний ряд камней наклонился наружу.

Клаус провёл ладонью по сместившейся кладке.

— До следующих сильных дождей нижний ряд надо переложить.

Каменцы нуждались в своём камне не меньше замка.

— Сначала отложите подходящие блоки для двух домов и амбара, — сказал я. — Потом посмотрим, что останется для замка. Мелкий камень складывайте у дороги: он пойдёт на канавы и самые глубокие колеи.

Когда мы вернулись к навесу, староста и Клаус выбрали отдельное место для камня, предназначенного домам и амбару. Первый подходящий блок рабочие положили туда ещё до нашего ухода.

Сегодня мы ничего не увозили. Телега и без камня едва прошла размытую дорогу.

По пути к руднику Клаус указал ещё на два трудных участка. Возле въезда в деревню колея пересекала сток со склона. На подъёме к каменоломне из земли выступал гладкий камень. После дождя колёса скользили по нему, и людям приходилось помогать лошади.

Вместе с ямой, в которой утром застряла телега, получались три участка, с которых следовало начинать дорогу. Но прежде требовалось понять, сколько мелкого камня сможет отдавать каменоломня без ущерба для основной работы.

А сейчас нас ждал рудник.

* * *

Вход в верхнюю штольню находился ниже каменоломни, за старой дробильной площадкой. Над ним нависал каменный уступ. Между брёвнами внешней рамы рос мох, по каменной стене стекала тонкая струйка воды.

Ярош достал из привезённого ящика четыре рудничных фонаря и зажёл их один за другим. Бран вынул оттуда же пустой мешок и привязал его к поясу.

Двое людей Эдмунда и староста остались у входа. Клаус вернулся в каменоломню. Первым в шахту вошёл Ярош, за ним Освин, Бран и я.

Пахло мокрым камнем, старым деревом и ржавым железом. По полу тянулись два продольных бруса, по которым прежде катили рудничные тележки. Один сорвало с креплений и отбросило к стене. В нишах для фонарей сохранились оплывшие свечные огарки.

Система начала выстраивать схему по мере нашего движения.

[Объект обнаружен — Каменецкий рудник] Карта объекта отсутствует. Обследование начато.

Ярош проверял проход впереди. Освин шёл сразу за ним. Плотницким щупом он пробоval нижнюю часть стоек, где сырость быстрее всего разъедала дерево. На крепких рамах оставлял одну белую черту. Если находил мягкую древесину или глубокую трещину, ставил крест. Размеры повреждённых стоек и поперечин переносил мелом на свободную сторону мерной рейки.

Бран двигался следом и занимался железом. Он простукивал скобы, штыри и накладки, сверяя их толщину с железными мерками. Пригодное для перековки железо обводил мелом на древесине рядом с креплением. Возле негодного ставил перечёркнутый круг.

У двух скоб металл выкрошился после лёгкого удара. Бран оставил их на месте, чтобы не ослаблять раму. В мешок отправились только отвалившиеся куски.

Две стойки, о которых Ярош говорил ещё в замке, действительно сгнили у основания. Освин измерил их вместе с поперечиной. Теперь он мог сказать, сколько брёвен потребуется для ремонта верхней штольни и какие размеры следует передать лесорубам в Пеньках. Бран подсчитал скобы, которые можно перековать, и те, для которых понадобится новое железо.

О нижних ходах судить было рано. Пока там стояла вода, мы не знали ни состояния крепей, ни будущего расхода материалов.

У первой развилки Освин задержался возле ещё одной рамы. Правая стойка была сухой сверху, но у самого пола щуп вошёл глубоко. Плотник провёл ладонью по поперечине и повернулся ко мне.

— Сверху дерево ещё крепкое, у основания уже размокло. Пока крест не ставлю. Когда вода начнёт уходить, вернусь и проверю, не сдвинулась ли рама.

Бран присел рядом и простучал нижнюю скобу.

— Металл цел, но нижний конец скобы почти вышел из стойки. Если дерево поведёт, то крепление вырвет.

За поворотом в свете фонарей показалась тёмная слоистая полоса с тонкими синими прожилками. Та самая порода, которой мы днём раньше расплатились с Рейном. Мы прошли мимо. Никто к ней не подошёл, Ярош даже не снял молоток с пояса.

Через несколько шагов он поднял фонарь и остановился. Вода здесь стекала не со свода, а проступала из тонкой трещины между слоями породы.

— Вода идёт из самой стены. Надо проверить, что находится за трещиной.

Ярош поставил фонарь у ног и приложил ладонь к камню. По его коже разлилось слабое свечение. Несколько мгновений он стоял неподвижно, прислушиваясь к чему-то, чего я не слышал.

— За стеной пустота. Совсем близко.

Память Адриана подсказала название дара: слух камня.

— Значит, так ты находишь скрытые полости? — спросил я.

Ярош убрал руку. Свечение на ладони медленно погасло.

— Только если они близко, милорд. Мне приходится касаться камня. Отец слышал глубже и мог понять, куда уходит пустота.

Он поднял фонарь к мокрой трещине.

— Саму воду дар не чувствует. Но здесь она уже пробилась сквозь камень. Если за стеной её скопилось много, удар кирки откроет проход прямо в штольню.

Слух камня не показывал безопасного пути. Зато Ярош мог сказать, где нельзя бить вслепую.

Примерно через семь десятков шагов сухой ход закончился. Дальше выработка уходила ниже второго яруса. Спуск уже скрывала мутная вода. На поверхности плавали щепки и чёрная пена. Свет фонаря исчезал уже на глубине в две ладони.

Ярош поднял фонарь над затопленным проходом.

— Над входом осталась старая канава, а нижний водоотвод выходит в овраг за дробильной площадкой. Канаву после закрытия не чистили. К выходу водоотвода однажды пытались подобраться, но склон снова осыпался.

— На сегодня внутри закончили, — сказал я. — На нижний ярус не спускаемся и ничего здесь не разбираем. Сначала проверим канаву и выход водоотвода. Потом решим, как увести воду.

Ярош кивнул и повёл нас обратно к выходу.

* * *

Мы вышли из рудника и поднялись по склону. Старая нагорная канава оказалась заросшей ложбиной, едва заметной среди кустов и осыпавшегося камня. После каждого дождя вода стекала сюда с горы, но до прежнего русла уже не доходила. Она растекалась по склону и собиралась над входом в штольню.

Я открыл карту Системы. По земле протянулись синие линии. Почти все сходились возле рудника. Часть воды уходила в трещины и просачивалась к верхним крепям.

Откачивать нижние ходы, не отведя воду со склона, не имело смысла. Первый же сильный дождь вернул бы всё обратно.

Ярош прошёл вдоль заросшей канавы, местами разгребая траву носком сапога.

— Десятерых хватит, милорд. Больше людей звать не стоит: на всех не хватит инструментов. Пока одни рубят кусты, другие станут выбирать камень и углублять русло.

Староста ушёл за бывшими рудокопами. По моей просьбе он должен был позвать и Клауса.

Пока староста собирал людей, мы перекусили у телеги.

Через полчаса к канаве поднялись десять человек из тех, кто остался без работы после закрытия шахты. Следом пришёл Клаус. Семеро каменотёсов продолжали добычу на уступе без него.

Никого не пришлось уговаривать. Люди согласились поработать до вечера, потому что надеялись вернуть рудник. Но на второй день одной надежды было бы мало. К завтрашнему утру мне предстояло решить, чем им платить.

В рудничном сарае нашлись шесть лопат, два топора, пара ломов и тяжёлый молот. Несколько плетёных корзин Клаус принёс с каменоломни. Клинья и рабочие молоты остались у каменотёсов.

Бран осмотрел ломы. На конце одного обнаружилась глубокая трещина.

— Этот уберите. Под нажимом разойдётся и ударит того, кто будет рядом.

Испорченный лом отнесли обратно к сараю. Остальных инструментов на всех не хватало, поэтому люди работали по очереди.

Ярош показал прежнее направление канавы. Клаус выбрал место, где размокший край требовалось укрепить камнем. Освин спустился к деревянным желобам над входом в рудник. Два участка прогнили, однако пока ещё держались. Их предстояло заменить до следующего сильного дождя.

Работу начали с уцелевшей части русла ниже по склону. Двое мужчин рубили кусты, ещё трое вытаскивали корни и крупные камни. За ними углубляли канаву и выносили землю в корзинах. Клаус показал, как уложить плоские обломки по внешнему краю, чтобы размокший склон не сползал обратно. После первого ряда люди продолжили без него.

Через час вода, прежде растекавшаяся по траве, собралась в мутный ручей. Он прошёл по расширенному руслу и свернул в сторону от рудника.

Перед глазами открылось окно.

[Нагорная канава частично восстановлена] Поступление воды к верхней штольне снижено. Требуется: — продолжить расчистку канавы; — укрепить внешний край; — осмотреть нижний водоотвод.

Выход нижнего водоотвода Ярош показал в овраге за площадкой, где раньше дробили руду. Каменную арку закрывала осыпь. От деревянного желоба, отводившего воду дальше по оврагу, остались два почерневших бруса.

Ярош остановился возле следов старой расчистки. Они уходили прямо под середину осыпи.

— В прошлый раз начали здесь, — сказал он. — Нагорная канава оставалась забитой, вода продолжала идти в рудник. Мы сняли верхний слой, добрались до глины, и из-под неё хлынуло. Мокрая земля съехала сверху и снова закрыла выход.

Клаус присел возле осыпи и разгрёб ладонью размокший грунт.

— Подпорки здесь не было. Землю вынимали снизу, а склон ничем не удерживали. Нужно было заходить сбоку и сразу подкладывать камень.

— Тогда рудник уже не работал, — продолжил Ярош. — После первого обвала староста не смог снова собрать людей. Запасы берегли для семей, а платить за работу было нечем.

Каменцы знали, как отвести воду. Им не хватало средств на вторую попытку. Теперь я мог собрать Яроша, Клауса и бывших рудокопов в одном месте и определить порядок работы. К завтрашнему дню мне предстояло найти для людей хлеб или монеты.

Ярош выбрал место сбоку от прежнего лаза, где осыпь упиралась в широкую каменную плиту. Клаус показал, какую часть склона можно разбирать первой.

Люди снимали землю короткими слоями. Вынутый камень не отбрасывали. Из крупных обломков складывали невысокую подпорку, мелочью заполняли щели. Клаус проверял каждый новый ряд и лишь потом разрешал углубляться дальше.

Когда край осыпи перестал двигаться, Бран выбрал длинный лом и простучал его по всей длине. Железо выдержало. Двое бывших рудокопов просунули лом под первый камень возле арки и сдвинули его в сторону. Второй пришлось расколоть тяжёлым молотом из рудничного сарая.

За камнем показалась мокрая глина.

Из узкой щели потекла вода.

— Назад! Все от арки! — крикнул Ярош.

Люди отбежали выше по склону. Никто не пытался расширить отверстие.

Глина просела сама. Мутный поток вырвался наружу, подхватил щепки, мелкие камни и чёрную рудничную грязь. Вода прошла между остатками старого желоба и потекла по оврагу.

Ярош дождался, пока первый напор ослабнет, и подошёл ближе. Каменная арка осталась на месте. По краю осыпи выдавило немного земли, но сложенная Клаусом подпорка удержала склон.

— Верхние ходы начнут освобождаться, — сказал Ярош. — До нижнего яруса вода за день не уйдёт. Если внутри есть ещё один завал, поток может остановиться раньше утра.

Перед глазами появился расчёт Системы.

[Нижний водоотвод частично открыт] Ожидаемое снижение уровня воды за первые двенадцать часов: менее одного метра. Внутреннее состояние водоотвода неизвестно.

Для спуска этого было мало. Но впервые с конца лета вода должна была убывать.

До вечера часть бывших рудокопов продолжала расчистку нагорной канавы. Остальные укрепляли склон возле арки. Клаус вернулся на каменоломню, как только убедился, что подпорка держит. Из-за его отсутствия камня за день добыли меньше обычного, но работа на уступе не остановилась.

Перед отъездом староста пересчитал инструменты. Лопаты, топоры, исправный лом и корзины вернули на прежние места. На телегу уложили привезённые из замка ящики и верёвки. Рядом положили мешок Брана с отвалившимися кусками железа и повреждённым клином.

Из четырёх шахтёрских фонарей в ящике лежали только два.

Я оглянулся. Освина и Брана возле телеги не было.

Ярош проследил за моим взглядом.

— Они с моего разрешения вернулись к первой развилке, милорд. После того как вода пошла, один из людей Эдмунда слышал в штольне сухой треск. Освин хотел ещё раз проверить

отмеченную стойку, а Бран — нижнюю скобу. Они предупредили меня и взяли два фонаря. Оба стражника остались у входа.

Прошло около четверти часа. Для осмотра первой рамы этого было достаточно.

Я уже собирался послать за ними Яроша, когда со стороны рудника донёсся глухой удар.

Земля под ногами дрогнула. Над входом в штольню поднялось серое облако. По склону покатались мелкие камни.

Голоса разом стихли.

Гарт скрылся в штольне. Родек остался у входа и не позволил рудокопам кинуться следом.

Через несколько минут Гарт появился снова. Серой пылью ему забило волосы, лицо и одежду. Он сбежал со склона к нам.

— Милорд! Обвал у первой развилки. Вход цел, но проход закрыло от стены до стены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.